

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ

1884

А П Р Ъ Л Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. НАКАНУНЪ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА.
В. Я. Фукса.
- II. БЛУДНЫЙ БРАТЪ. Повѣсть. Гл. XIX—XIV. К. Орловскаго.
- III. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.
Гл. X. Е. В. С.
- IV. САФО. Парижскіе нравы. Окончаніе. Alphonse Daudet.
- V. ОТРЕЧЕНІЕ КИРА. Стихотвореніе. Кн. Д. Н. Цертелева.
- VI. ПО ПОВОДУ КНИГИ А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ. (1872—1882.) И. В. Васьянова.
- VII. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Часть вторая. Гл. VI—VIII. Н. А. Крыжановскаго.
- VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) „Ночью“. 2) „Струйка“. Я. П. Полонскаго.
- IX. БИБЛИОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.
- X. СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІСЬ. Открытіе памятника Императору Александру II въ зданіи Судебныхъ Установленій въ Москвѣ.—Новый маневръ противъ новаго университетскаго устава.—Аграрное положеніе Западнаго края.—Иезуитско-польская пропаганда на Литвѣ.—Боснія и Герцеговина.—Швейцарія и анархисты.—Конференція по Египетскому вопросу.—Засѣд.—Вопросъ о пошанкѣ на каменный уголь.

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА*

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VI.

Графъ Петръ Павловичъ Трояновскій былъ человекъ чрезвычайно мягкаго, добраго сердца, но ограниченнаго ума, недальновидный, недогадливый и совершенно безхарактерный.

Лишенный умственной самостоятельности, онъ всю жизнь находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ и всѣ убѣжденія, религіозныя, политическія и отчасти даже нравственныя, заимствовалъ отъ людей съ коими его сводила судьба и въ которыхъ онъ находилъ, какъ ему казалось, твердо вкорененныя принципы. До женитьбы на княжнѣ Татьянѣ Хопанской, окончательно имъ завладѣвшей, лица его вдохновлявшія часто мѣнялись, а потому убѣжденія и мысли его не могли быть ни прочными, ни постоянными.

Онъ готовъ былъ вѣрить всякому слуху, всякой сплетнѣ ходящей по Петербургу, всякой газетной уткѣ. Желая всѣмъ и каждому наибольшаго добра, онъ причинялъ, самъ того не подозревая, много зла.

---

* См. Русскій Вѣстникъ, №№ 2 и 3.

Налечатають ли журналы какую-нибудь клевету на чело-вѣка, или клевета пройдет слухомъ по городу, онъ безо всякой критики принималъ ее на вѣру, входилъ въ страшное негодованіе на обвиняемаго и усердно распространялъ клевету по всѣмъ гостинымъ и кабинетамъ; а ему вѣрили какъ чиновнику высокопоставленному, который могъ знать истину еслибы только хотѣлъ доискаться ея.

Но не взирая на всю слабохарактерность и умственную скудость, его доброе сердце, его тяготѣніе дѣлать добро вокругъ себя и желаніе видѣть выраженіе счастья и довольства на лицахъ ему близкихъ, ни на одну минуту не покидали его. А потому въ теченіе двадцати лѣтъ брачной жизни съ Татьяной Алексѣевной, когда, находясь вполнѣ подъ ея командой, онъ былъ вынужденъ сообразоваться съ ея образомъ мыслей, графъ Петръ Павловичъ все время страдалъ отъ противорѣчія между собственными сердечными ощущеніями и тѣмъ что онъ вынужденъ былъ говорить и дѣлать. Разладъ этотъ вмѣстѣ съ безконечными семейными драмами былъ несчастіемъ всей его жизни.

Онъ женился въ 1854 году, почти предъ самымъ вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя. Всѣ реформы шестидесятыхъ годовъ, всѣ начинанія той эпохи, какъ нельзя болѣе отвѣчали сердечнымъ побужденіямъ графа; но Тата не раздѣляла сердечной радости мужа. Ея крѣпостническія возрѣнія не укладывались въ новыя формы, и бѣдный графъ Петръ Павловичъ долженъ былъ напрягать умъ свой чтобы не вѣрять въ то чему такъ горячо сочувствовало его сердце. Онъ доходилъ въ то время до такой слабости нравственной что въ обществѣ повторялъ мысли своей жены и горячо защищалъ ихъ, а въ то же время радовался сердечно когда встрѣчалъ оппонентовъ, разбивавшихъ доводы его въ лухъ и въ прахъ.

Привычка говорить и думать какъ думала жена, во глубинѣ сердца инстинктивно сочувствовать совершенно противоположному, дошла у него до того что когда въ семидесятыхъ годахъ начали распространяться по Россіи навязанныя ей и не сродныя русскому челоѣку идеи нигилизма и коммунизма, онъ, повторяя всюду проклятія посылаемая Татьяной Алексѣевной представителямъ этихъ идей, искалъ въ то же время по привычкѣ: нѣтъ ли въ рѣчахъ горластыхъ ораторовъ реализма какой-либо сердечной, доброй стороны. Еслибы онъ кашель въ нихъ проблески гуманности въ средствахъ

достиженія золотаго вѣка, онъ обратился бы сердцемъ въ коммуниста потому только что умомъ обязанъ былъ защищать убѣжденія Татьяны Алексѣевны.

Когда умерла графиня, умъ его осиротѣлъ. Не стало компаса который двадцать лѣтъ сряду указывалъ ему путь по морю житейскому, и бѣдный графъ растерялся совершенно.

Въ вѣрности собственнаго сужденія онъ не только сомнѣвался, но и подозрѣнія не имѣлъ что можетъ жить и думать самостоятельно. Невольно озираясь кругомъ, искалъ онъ того руководителя чьей власти и вліянію онъ могъ бы подчиниться, и несказанно обрадовался когда въ лицѣ пріѣхавшей къ нему свояченицы, Марьи Алексѣевны Лобовой, нашелъ такого путеводаителя о которомъ и мечтать не смѣлъ. Вліяніе Марьи Алексѣевны привнесло съ собою столько же отрады, счастья и нравственнаго покоя, сколько взбалмошность жены причиняла ему горя и внутренняго разлада.

Графъ скоро понялъ что убѣжденія и принципы Мери не расходились съ побужденіями его сердца, и потому не только охотно, но съ восторгомъ предался въ ея руки совершенно.

Поселясь въ домѣ графа, Марья Алексѣевна съ ужасомъ увидѣла тотъ душевный хаосъ въ которомъ покойная сестра оставила всѣхъ членовъ своей семьи.

Отецъ—умственно забитый, задавленный взбалмошностью покойной жены, сомнѣвающийся въ вѣрности своего мышленія, въ правдивости побужденій своего добрѣйшаго сердца,—умственный и нравственный мавіакъ. Какъ на полкахъ книжнаго магазина мирно стоятъ рядомъ книги написанныя Шатобрианомъ, Вольтеромъ, Бюссиетомъ и Ренаномъ, а также сказки для дѣтей и романы Эмиля Золя, такъ точно и въ головѣ графа толпились, не пожирая одна другую, но пользуясь въ мозгу его равными правами гражданства: идеи коммунизма и крѣпостничества, отрицаніе нигилизма и суевѣрія старой бабы, бредни социализма и ультра-консервативные принципы. Въ этомъ хаотическомъ хламѣ, какъ было впрочемъ и въ умахъ многихъ гражданъ отуманенной въ ту эпоху Россіи, можно было найти проблески всѣхъ теорій возникавшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и отголосокъ на всякую мысль, основательную или вздорную. Все проходившее въ умахъ русскихъ людей того времени и волновавшее ихъ, все оставило слѣдъ въ умѣ графа, не способнаго строгою критикой

вымести изъ головы своей весь соръ, годами въ немъ накопившійся, и отличить алмазь отъ поддѣльнаго камня.

Дѣти графа: дочь Alexandrine и сынъ Nicolas оставались при началахъ поверхностнаго свѣтскаго образованія, умственно мало развитые; въ качествѣ же нравственныхъ началъ получили они, какъ говорилъ докторъ Рыбинъ, три основныя заповѣди: лаять, агать и вѣчно притворяться.

Движимая прекраснымъ сердцемъ своимъ, Марья Алексѣевна сразу рѣшилась посвятить всѣ нравственныя силы свои чтобы вывести сбитаго съ толку отца и нравственно искалѣченныхъ дѣтей изъ этого омуты.

Но что могла она предложить имъ для врачеванія ихъ нравственныхъ недуговъ? Сама она до знакомства съ Лобовымъ, то-есть до двадцатилѣтняго возраста, была такъ же уродливо воспитана и такъ же лишь свѣтски образована какъ и покойная сестра ея. Только послѣ замужества научилась она различать истинное добро отъ добра кажущагося; увѣровала что не все то золото что блеститъ и поняла что жизнь дана не для однихъ только наслажденій, а для борьбы и труда. Ей стало ясно что истинно несчастливъ тотъ кто отъ жизни ожидаетъ однихъ радостей, потому что встрѣтивъ неизбежно горе и разочарованіе онъ падаетъ духомъ и впадаетъ въ отчаяніе. Наконецъ, на самой себѣ испытала она не разъ что въ минуты горькія и трудныя она находила лучшее утѣшеніе въ словахъ Спасителя. Святое Евангеліе было для нея всегда и руководствомъ въ сомнѣніяхъ и утѣшеніемъ въ печаляхъ.

Она и раскрыла передъ страждущимъ отцомъ и несчастными дѣтьми Евангеліе, все что знала она сама.

Простымъ, но въ душу западающимъ толкованіемъ передавала она имъ то что въ немъ написано. Съ жадностію алчущихъ внимали отецъ и дочь словамъ ея, но далеко не одинаково подѣйствовали на обоихъ истинны Священнаго Писанія.

Въ головѣ графа Петра Павловича укладывались божественныя слова Спасителя рядомъ со всѣмъ тѣмъ хаамомъ которымъ она до того была наполнена. Свѣтъ Христовъ проникъ во глубины лабиринта его внутренняго міра. Только прибавилось въ немъ еще одно вѣрованіе къ прежнимъ.

Боле чѣмъ всѣ цныя ученія, которыми графъ попеременно увлекался, отвѣчали эти вѣчныя истинны природнымъ влеченіямъ его души, а потому повліяло что къ словамъ.

Спасителя, болѣе чѣмъ ко всему тому что носилось въ хаосѣ головы его, тяготѣли его инстинкты и жаждалъ онъ увѣровать. Но не могла слабая, несамостоятельная мысль графа отрѣшиться совсѣмъ отъ различныхъ теорій, системъ и ученій наполнявшихъ его голову. Постоянная борьба ихъ между собою ставила мысль его въ безвыходное положеніе. Всякая истина рождала сомнѣніе, а всякое сомнѣніе влекло за собою нерѣшительность и неизвѣстность, которыя были невыносимою душевною мукой для человѣка привыкшаго получать и исполнять точно опредѣленные, положительныя и несомнѣнныя указанія чужой воли. Нравственныя недомыслія, мучившія его, возбуждали въ немъ непреодолимое желаніе найти то начало, тотъ законъ который былъ бы способенъ разъяснить хаосъ терзавшій его душу, который яркою чертой отдѣлялъ бы правду отъ неправды, далъ бы ему миръ нравственный, разрѣшилъ бы его сомнѣнія и успокоилъ бы душу.

Отысканіе этого начала, этого источника утѣшенія и стало цѣлью всѣхъ его желаній, главною задачею его жизни. Онъ впалъ въ постоянную задумчивость, сдѣлался угрюмъ, мало общителенъ, пересталъ ѣздить по субботамъ въ Англійскій клубъ, бросилъ карты, рѣдко посѣщалъ Совѣтъ, въ которомъ состоялъ болѣе почетнымъ чѣмъ дѣйствующимъ членомъ, и съ трудомъ выносилъ по повѣдѣльникамъ обычныя собранія родственниковъ и знакомыхъ.

По цѣлымъ днямъ читалъ онъ книги духовнаго содержанія и начиналъ увлекаться проповѣдями нѣкоторыхъ Англичанъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ въ семидесятыхъ годахъ и проповѣдовавшихъ близкое прішествіе на землю Іисуса Христа.

Съ надеждой на изцѣленіе страждущей души читалъ онъ въ писаніи Св. Іоанна: „Отнынѣ будете видѣть небо открытымъ и Ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому“. Съ энтузіазмомъ повторялъ онъ: „Истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ“, и ожидалъ графъ что перстъ Божій коснется и его, просвѣтитъ его умъ свѣтомъ истины, уничтожитъ въ немъ сомнѣнія и разсвѣтъ хаосъ терзавшій его душу.

Постоянно читалъ онъ Апокалипсисъ, старался проникнуть въ смыслъ каждаго изреченія его и постепенно впадалъ въ мистицизмъ. Оставаясь православнымъ, онъ нерѣдко посѣщалъ богослуженія петербургской Апостольской Общины,

увѣровалъ что небо отверзается и что самъ Господь ниспослалъ Духа Святаго на избранныхъ имъ новыхъ апостоловъ, какихъ-то двѣнадцать Великобританцевъ.

Но не могъ некрѣпкій разумъ графа Петра Павловича остановиться долгое время на однихъ и тѣхъ же вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Натура его, надломленная жизнью и расшатанная постоянно мѣняющимися увлеченіями, не могла остановиться на убѣжденіи что вотъ-вотъ завтра, а быть-можетъ и сейчасъ, послѣдуетъ пришествіе Спасителя на землю, что стоитъ Онъ уже, по словамъ проповѣдниковъ, у дверей земной жизни. Изъ двѣнадцати великобританскихъ апостоловъ одиннадцать уже умерли, послѣдній, двѣнадцатый, стоялъ дѣйствительно у дверей, но только не земной жизни, а гроба; а Спаситель все-таки не являлся. И самыя проповѣди „ангеловъ“ апостольской секты перестали удовлетворять его. На всѣ возникавшіе въ нихъ вопросы проповѣдники не давали яснаго отвѣта.

А потому и неудивительно что встрѣтивъ однажды, на вечерней бесѣдѣ въ церкви апостольской секты, даму не гаулу, увлекательно говорившую и остроумно насмѣхавшуюся надъ повѣрьями секты, онъ послѣдовалъ за нею и увлекся ея мыслями и ея убѣжденіями.

Госпожа Бирюзова, женщина лѣтъ срока съ небольшимъ, уроженка Варшавы, была два раза замужемъ. Первый мужъ ея, бѣдный шляхтичъ, женился на ней по любви, когда ей было шестнадцать лѣтъ. Она была увлекательно хороша собой. Послѣ четырехъ лѣтъ брачной жизни, ей до такой степени надоѣло быть бѣдною что она убѣжала отъ мужа съ богатымъ русскимъ баринкомъ, Бирюзовымъ, который и поселилъ ее въ Женевѣ. Господинъ Бирюзовъ, постоянный житель Петербурга, человѣкъ придворный и свѣтскій, не могъ открыто жить съ нелегальною супругой, а потому купилъ у шляхтича жему его за сорокъ тысячъ рублей, женился на ней въ Женевѣ, перевезъ въ Петербургъ съ дочерью въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ, оставивъ женѣ и дочери значительное состояніе. Проведя пять лѣтъ въ Женевѣ, госпожа Бирюзова не только усвоила европейскія манеры хорошаго тона, но успѣла приобщить уму своему значительную дозу красно-либеральныхъ началъ. Въ концѣ 1877 года, когда ее встрѣтилъ графъ Петръ Павловичъ въ церкви апостольской секты, она сохранила еще остатки

прежней красоты, жила открыто и имѣла въ Петербургѣ большія связи и знакомства въ различныхъ слояхъ общества.

Смена краснаго либерализма, посѣянная въ ней, а въ особенности въ дочери ея женевскими революціонными кружками, не заглохла. Она и дочь ея хотя и не принадлежали къ *русской социальнo-революціонной партіи* и не принимали лично участія въ активной революціонной дѣятельности, но сильно симпатизировали идеѣ о социальномъ переворотѣ и жертвовали на усиленіе революціоннаго фонда довольно значительныя суммы, которыя и передавали жившему *нелегально* въ столицѣ казначею *революціонной организаціи рабочихъ*. Лично казначей они не знали, деньги были пересылаемы ему чрезъ дѣвушку, которая занималась подевно швейей. Она каждый разъ приносила Бирюзовой письменное удостовѣреніе въ полученіи денегъ, подписанное страннымъ именемъ: *Борода*.

По наущенію той же подевно-занятой швеи, сошедшейся чрезвычайно съ двадцатилѣтнею дочерью госпожи Бирюзовой, она затѣяла основать, въ виду вящаго усиленія революціоннаго фонда, официальное Общество обезпеченія участи сиротъ рабочаго фабричнаго люда и нахожденія работы нуждающимся мастеровымъ, что вслѣдствіе сильныхъ связей въ Петербургѣ и было разрѣшено правительствомъ. По указанію той же подевной швеи, госпожа Бирюзова затянула въ свое общество и графа Петра Павловича, который, слушая разглагольствія сорокалѣтней, сильно разрисованной красавицы, увѣровалъ что посвятивъ всѣ средства какими онъ могъ располагать и всѣ свои способности на пользу несчастныхъ сиротъ, онъ займетъ свою вачущую добрыхъ дѣлъ душу, и въ постоянной заботѣ объ успѣшномъ ходѣ Общества найдетъ желанное успокоеніе.

Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ постоянное и тревожное ожиданіе прішествія Іисуса Христа, думалъ онъ.

Иначе дѣйствовали чтеніе Евангелія и толкованія tante Marie на графиню Alexandrine. Не умомъ только, но и сердцемъ, отъ природы мягкимъ и вѣжнымъ, принимала она поученія и совѣты добрѣйшей тетки. Шаткости убѣжденій въ ней быть не могло, потому что никакихъ убѣжденій, ни твердыхъ, ни шаткихъ въ ней не было вкоренено. Слова Спасителя падали на нетронутую еще почву и прививались на ней прочно, безо всякой борьбы. Она не страдала, какъ

отецъ ея, отъ сомнѣній, за то мучилась увѣренностью что никто во всемъ свѣтѣ не можетъ ни полюбить ея, ни привязаться къ ней, ни даже обратить на нее вниманіе, а для ея доброй, общительной души привязанность близкихъ ей людей была также необходима какъ лица для тѣла. Одинокая, слабая и некрасивая, она страдала оттого что природа была къ ней мачихой. Она знала недостатки своей наружности, даже думала что во всемъ свѣтѣ нѣтъ другой дѣвушки такой некрасивой, и конфузилась какъ будто была виновата въ этомъ. Еслибы вмѣсто красоты была въ ней по крайней мѣрѣ особенная любезность и пріятность въ разговорѣ, это ободряло бы ее, но къ сожалѣнію и въ этомъ отношеніи она чувствовала себя ниже большинства знакомыхъ ей дѣвицъ. Ей не доставало образованія, она слишкомъ мало знала. Вслѣдствіе этой увѣренности въ своихъ недостаткахъ она чуждалась людей, общество было ей въ тягость и все что веселитъ другихъ дѣвушекъ ея лѣтъ наводило на нее печаль и желаніе уединенія. Она чувствовала себя удрученною своими физическими недостатками, и есабы тетка Мери не научила ее утѣшительнымъ словамъ Спасителя: *Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ*, она предалась бы и такому чувству зависти при видѣ молодыхъ дѣвицъ здоровыхъ и красивыхъ какъ Елена, и естественной злобѣ на судьбу и на людей. *Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, иго Мое благо и бремя Мое легко*, читала дѣвушка въ писаніи Евангелиста Матѳея, и слезы умиленія и сердечнаго утѣшенія орошали ея впаляя и худыя щеки.

Всею чистою, доброю и воспримчивою душой чувствовала она что нашла наконецъ покой душѣ своей.

— Я буду кроткая, буду смиренная сердцемъ, какъ былъ Ты, Господи! шептала она.—Ты страдалъ больше меня и молчалъ за палачей своихъ. Пускай свѣтъ и люди распинаютъ меня насмѣшками; пускай отталкиваютъ меня за то что дурна я и противна, я буду любить ихъ смиреннымъ сердцемъ моимъ, и тогда иго на меня вложенное судьбою покажется мнѣ благо и бремя мое будетъ легко, какъ сказалъ Ты, Господи, создавшій меня такою какъ я теперь стою предъ людьми и предъ Тобой.

Это чувство душевнаго спокойствія отражалось какъ въ зеркалѣ въ ея добрыхъ, мягкихъ глазахъ и въ невыразимой прелести ея улыбки. Ко всѣмъ равно добрая и внимательная, она старалась быть полезною окружающимъ ее, съ полнымъ самоотверженіемъ посвящала себя бѣднымъ и страждущимъ, и не будучи участницей ни въ какомъ благотворительномъ обществѣ, дѣлала добро постоянно и словомъ и дѣломъ. Только къ богатымъ и счастливымъ была она равнодушна и какъ-то боязливо, неувѣренно и подозрительно относилась къ нимъ. Въ свѣтѣ ее звали: *la langoureuse comtesse*.

Не смотря однакоже на меланхолическое настроеніе отца и дочери и на нерасположеніе ихъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ, они по положенію своему не могли разорвать связей съ обществомъ. *Alexandrine* носила шифръ императрицы, графъ Петръ Павловичъ имѣлъ должность при Дворѣ. Обширная и знатная родня вынуждала ихъ выѣзжать и перѣдко принимать, а потому домъ графа, не смотря на странности хозяина и его дочери, оставался въ томъ же хозяйственномъ всеоружіи въ какомъ былъ при покойной графинѣ, готовый во всякое время принять самое изысканное общество. Такъ было и въ тотъ день когда графъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Гибсона и Наташу.

VII.

Обѣдъ былъ сервированъ на половинѣ графа, въ небольшой столовой. Для четырнадцати гостей парадная столовая была бы, по мнѣнію буфетчика Савелія Иваныча, слѣшкомъ велика, а мнѣніе Савелія Иваныча уважалось въ домѣ. Его жаловала покойница графиня, и при жизни ея онъ былъ въ домѣ какъ бы слутникомъ ея или луной, блестящею хоть и не собственнымъ свѣтомъ, а отраженіемъ солнечныхъ лучей полновластной хозяйки, но все-таки блестящею.

Савелій шелъ всю жизнь съ вѣкомъ.

Крѣпостной князя Хотанскаго, онъ въ первой молодости, въ двадцатыхъ годахъ и въ первой половинѣ тридцатыхъ, былъ казачкомъ и бѣгалъ въ синемъ казакинѣ съ красными полосками на груди. Въ этомъ вѣжномъ возрастѣ, онъ отзывался на кличку *Саска*, имѣлъ манеры несравненно

худшія чѣмъ *Жужу*, болонка княгини, и проявлялъ склонность къ воровству, за что не разъ былъ съченъ больно.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ выѣзднымъ лакеемъ внушительной наружности, назывался *Савельемъ* и лилъ, за что нерѣдко былъ отводимъ въ конюшню для поученій. Такъ какъ внушенія получаемыя на конюшнѣ не дѣйствовали, то и рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству—женить Савелія, что и совершилось въ началѣ пятидесятихъ годовъ.

Жена досталась ему добрая, хорошая и красивая. Въ приданое принесла она ему благопріобрѣтеннаго двухлѣтнаго Оську, котораго Савелій полюбилъ всею душой. Красивый, иѣжный мальчикъ походилъ всѣмъ складомъ своимъ и обращеніемъ гораздо болѣе на господъ чѣмъ на крѣпостной людъ.

— Благообразный Іосифъ! говорилъ обыкновенно Савелій, глядя съ любовью на мальчика, и возникала въ немъ гордость что вотъ онъ, Савелій, крѣпостной рабъ, а все-таки отецъ такого барченка, если не по крови, то по праву.

Вліяніе доброй, честной жены, а болѣе всего сознаніе что и онъ не *Жужу*, а человекъ, съ тѣхъ поръ какъ получалъ отцовскую власть надъ барченкомъ, поддѣйствовали на Савелія самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ пересталъ пить, сдѣлался сколидомомъ, уважаемымъ человекомъ. Собственныхъ дѣтей у него не было никогда и не сожалеалъ о томъ Савелій.

— Довольно намъ и благообразнаго Іосифа, говорилъ онъ женѣ, когда она жаловалась на безплодіе.—Что плодить-то подневольныхъ горемыкъ, воровъ и пьяницъ!

Въ 1854 году онъ отданъ былъ княжнѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ и перешелъ съ нею въ домъ графа Троицкаго въ должности буфетчика.

Теперь, въ 1879 году, это былъ полный и свѣжій старикъ съ сѣдыми волосами, всегда во фракѣ съ бѣлымъ галстукомъ и въ бѣломъ жилетѣ, по которому видѣлась толстая золотая цѣпочка. Онъ наружностью слегка напоминалъ лорда Пальмерстона, назывался Савельемъ Ивановичемъ, и всѣ въ домѣ говорили ему *вы*.

Убрать столъ, какъ убираютъ его въ лучшихъ домахъ, онъ умѣлъ въ совершенствѣ. И на этотъ разъ столъ былъ похожъ на жертвенникъ приготовленный для иѣкаго священнодѣйствія.

Быль седьмой часъ, солнце только-что начинало садиться и косвенными красными лучами играло еще въ стеклахъ садоваго фасада дома Трояновскихъ, а въ небольшой столовой была уже ночь. Слущенныя сторы и тяжелыя драпир производили искусственную темноту.

Посреди комнаты стоялъ длинный столъ съ четырнадцатю кувертами. Необыкновенной бѣлизны скатерть ярко освѣщена была висящею съ потолка, надъ самою серединою стола, люстрой и двумя большими высокими серебряными канделябрами, поставленными не далеко отъ концевъ стола. По срединѣ его тянулся рядъ изящныхъ серебряныхъ вазъ съ фруктами и цвѣтами; пирамиды хрустальныхъ тарелочекъ на серебряныхъ стативахъ для конфетъ, глубокія тарелки или вазочки тончайшаго стекла для вареньевъ разныхъ сортовъ, тоже на серебряныхъ стативахъ, словомъ, весь *par-dessus* обѣденнаго роскошно-убраннаго стола.

Яркій свѣтъ сосредоточенъ былъ на одномъ столѣ, на бѣлой какъ свѣтъ скатерти его и игралъ бѣлыми искрами на массѣ рюмокъ и стакановъ разнообразной величины и тончайшаго стекла. Они уставлены были въ нѣсколько рядовъ впереди бѣлыхъ тяжелыхъ тарелокъ англійскаго издѣлія, съ золотымъ бордюромъ и фамильнымъ гербомъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными салфетками.

Рядъ темныхъ стульевъ съ чрезвычайно-высокими спинками поставленъ былъ вдоль стола съ обѣихъ сторонъ его. Темный цвѣтъ стульевъ еще болѣе выставялъ бѣлизну всей сервировки и яркое ея освѣщеніе, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ падала на полъ густая тѣнь высокихъ спинокъ, а темные обои комнаты и темныя гардины исчезали при яркости стола. Кромѣ люстры и канделябръ, ни одной свѣчки не было въ столовой, даже не было особаго освѣщенія на небольшомъ столикѣ стоявшемъ въ удаленіи, въ самомъ углу комнаты, гдѣ видны были двѣ суновыя чаши съ разными супами, и гдѣ стоялъ Савелій Ивановичъ, разливающій *potage* въ глубокія тарелки, которыя прислуга неслышными шагами разносила уже сидѣвшимъ гостямъ.

Матовое серебро сервировки, бѣлизна бѣлья, еще болѣе выдающагося отъ яркихъ красокъ фруктовъ, цвѣтовъ и зеленыхъ листьевъ, нѣжный запахъ распространяемый букетами цвѣтовъ на столѣ, все это придавало ему характеръ такой чистоты, роскоши и изысканной фашіонабельности что

онъ казался приготовленнымъ не для смертныхъ, а для пршества боговъ Олимпа.

— Во все что касалось убранства обѣденнаго стола Савелій Ивановичъ викалъ съ особенною подробностью. Ему были известны причины по которымъ слѣдовало дѣлать такъ или иначе, и эти спеціальныя познанія онъ охотно передавалъ другимъ.

— А для чего заведены такія высокія спинки у стульевъ? спросить кто-нибудь изъ молодыхъ неучей-лакеевъ и прибавить еще собственное, глупое разсужденіе что неловко дескать подавать блюда; всегда рукавомъ фрака за верхнюю боковую шпку рѣзной спинки зацѣпишь; того гляди на барыню соусъ выльешь.

— За это за самое что соусомъ дамское платье обольешь, вашу братью бьютъ, а безъ высокихъ спинокъ никакъ нельзя. Для того заведены онѣ чтобы, когда на парадный обѣдъ дамы *dequie* прѣзжаютъ, голыя плечи да голыя шеи видѣть были. Близна значитъ на темномъ бѣлѣ кажетъ. Безъ высокихъ спинокъ виду не будетъ. Во всемъ бель-вию соблюдается:

— Вѣдь охота жъ господамъ деньги большія платить за такое тонкое стекло, подавалъ мнѣніе другой невѣжда.—Несишь его въ рукѣ, пальцамъ не слышно, ну и сожмешь его легонько чтобы не выскользнулъ окаянный, а онъ, чортъ его лобери, тутъ промежь пальцевъ и сплющится.

— Много толку понимаешь ты въ стеклѣ, бранился Савелій Ивановичъ,—а туда же суешься; да посмотри ты, олухъ, развѣ можно на такую бѣлую скатерть ставить толстое стекло? оно синимъ цвѣтомъ отливаетъ, а тонкое-то, гляди-ко! само какъ снѣгъ на скатерти лежитъ и тѣни не даетъ, да отъ свѣчей-то бриллиантами играетъ. А на столѣ все должно быть бѣло, безъ пятенъ, безъ тѣней. Вотъ что! Неучъ!

— Савелій Ивановичъ, какія бутылки на столъ поставить? спрашиваетъ какой-нибудь изъ недавно нанятыхъ.

— Дуракъ! ставить развѣ бутылки на столъ? Бутылки разносить станемъ, бутылку поставишь, она тѣнь даетъ, да сама какъ пятно стоитъ; не кабакъ вѣдь здѣсь чтобы бутылки на столъ ставить, а графская столовая.

— Да у полковника, гдѣ я служилъ, всегда бутылки на столъ ставятъ, отвѣчаетъ тотъ же недоумѣвающий новичекъ.

— У полковника лущай и ставять, а у его графскаго сѣтельства ставять на столъ не бутылки, а маленькіе графинчики медоку и винъ-ди-графу, чтобы дамамъ съ водой пить. А что до всего прочаго: мадера, хересь, мозель-винъ, рейн-винъ, венгерское, да шампанское, — все разносить станемъ. Развѣ что господа потребуютъ на пробу какого-нибудь вина изъ погреба, ну такъ на особомъ подносѣ бутылку и поставишь рядомъ съ бариномъ.

— Савелій Иванычъ! какъ жетакъ горошекъ олося жаркаго подавать? претендуетъ лакей воображающій себя знатокомъ по объденному вопросу. — Я служилъ у генерала Треухова, за всегда зелень предъ жаркимъ подавалась.

Съ негодованіемъ отвѣчаетъ ему Савелій Иванычъ:

— Да развѣ *легу́мъ* изъ разной зелени для сытности подаютъ? Колебъ для сытности, такъ сколько спаржи-то каждый гость уписалъ бы. Возами привозить ее что ли въ столовую? Кончикъ отщипнуть, а ее всю назадъ уноси. *Легу́мъ* подаютъ для близиру, когда человѣку вѣсть ужь не хочется. Одинъ деликатесь, а то не напасешься вѣдь. Ты спроси когда всякую-то зелень къ столу графскому допускають: когда она что ни на есть самая дорогая, тогда только и подаютъ ее, такъ, для образца что вотъ, молъ, она какая ранняя. Такъ по французскому и произносится *прилѣръзъ*, значить не ради сытности, а для примѣра подается.

Были у Савелія Иваныча готовые и мотивированные отвѣты на все что до стола касается. Зато и умѣлъ онъ выдрессировать людей. Они двигались по столовой какъ тѣни. Не слышно было ни голосовъ ихъ, ни скрипа сапогъ, ни рѣзкихъ ударовъ тарелокъ, ножей и вилокъ. Самъ Савелій Иванычъ производилъ знаками—руками, глазами и бровями—всю команду сложнаго маневра. А чтобы съ шумомъ и трескомъ упало что-нибудь на полъ или разбилось, о такомъ постыдномъ скандалѣ Савелій Иванычъ и помыслить не смѣлъ. Онъ сторбѣлъ бы отъ стыда.

Убрали уже гости по тарелкѣ супу *à la Reine* или *Potage-Victoria*, просили кокиль и пирожки четырехъ сортовъ; вылили по рюмкѣ хереса, мадеры, по рюмкѣ мозельвейна, бывшаго тогда въ большой модѣ; подавали гатчинскую форель, и Савелій Иванычъ дѣлалъ уже, на подобіе режиссера въ театрѣ, закулисное распоряженіе о разносѣ рейнъ-вейна.

Съ начала обѣда всѣ какъ-то помалчивали. Явственно раздавался по столовой только легкій шумъ производимый переставляемыми тарелками и не рѣзкій, но постоянный лязгъ серебряныхъ ложекъ, ножей и вилокъ. Всѣ эти разнообразные звуки свивались въ одинъ общій неопредѣленный и не рѣзкій шумъ, даже пріятный для слуха и возбуждающій аппетитъ.

Казалось что въ комнатѣ шла какая-то постоянная фабрикація и что всѣ машины и приборы фабрики двигались, производя только самый легкій металлическій звукъ. Рты были заняты ѣдой. У стола сидѣли пока еще животы которымъ задавали кормъ. Но послѣ мозель-вейна и рыбы языки, по обыкновенію, немного развязываются, а послѣ рейнъ-вейна и шато-икема всѣ начинаютъ разговаривать съ ближайшими сосѣдями, но говорятъ еще не громко, а конфиденціально, такъ что сказанное слышать только тѣ къ кому обращены слова. Никто голоса не возвышаетъ, и къ стуку производимому тарелками, стекломъ и серебромъ присоединяется, не заглушая его, какой-то негромкій подъ сурдинкою общій говоръ человѣческихъ голосовъ.

Въ комнатѣ начинаетъ распространяться пока еще легкій запахъ сѣдоваго и винныхъ паровъ.

Въ этотъ моментъ обѣда, въ фазисъ рыбы, рейнъ-вейна и шато-икема разговоры между ближайшими сосѣдами вертятся обыкновенно на болѣе или менѣе злыхъ замѣчаніяхъ о личностяхъ тутъ же за столомъ сидящихъ.

Направо отъ молодой графини, сидѣвшей vis-a-vis съ отцомъ своимъ, посрединѣ длины стола находился дядя ея, графъ Павелъ Павловичъ, а далѣе, рядомъ съ нимъ, его belle soeur, толстѣйшая Марья Федотовна.

— Что это, дядя, вы такъ мало кушаете? аппетита нѣтъ? спросила графиня.

— Нѣтъ, другъ мой, я что-то чувствую себя не совсѣмъ хорошо.

— Что съ вами? опять кружится голова? Вы недавно страдали головокруженіемъ.

— У меня mal de mer, * пресеріозно отвѣтилъ графъ, наклонясь какъ можно ближе къ уху племянницы.

— Полноте, дядя, что вы! отчего же mal de mer? Вамъ можетъ-быть жарко?

* Морская болѣзнь.

Графъ бросилъ взглядъ на сидящую рядомъ съ нимъ Марью Федотовну и видя что она занята разговоромъ съ сидящимъ по правую руку княземъ Суздальскимъ и словъ его слышать не можетъ, тихо сказалъ племянницѣ:

— Какъ не совѣстно вамъ было усадить меня рядомъ съ этою колной сѣна, съ моею милою belle-soeur. Посмотрите на ея грудь, вѣдь это море-океанъ во время страшной морской зыби. А ея брошка! Вѣдь это половка стоитъ на якорѣ и качается въ волнахъ. Посмотрите какъ при всякомъ дыханіи она плавно поднимается, опускается и опять поднимается. Un tangage effrayant! * А я не выношу даже вида качки. Изъ-за этого въ Алжиръ не поѣхалъ. Вотъ глядя на эту половку я рѣшительно теряю аппетитъ.

— Еслибъ она могла уступить мнѣ хоть немного полноты своей и здоровья, какъ бы я была счастлива, дядя! сказала улыбаясь графиня.

— Нѣтъ, другъ мой, у нея не берите ничего. На всѣхъ десятинахъ ея обширной поверхности нѣтъ ни одного дюйма порядочнаго грунта, все рыхлый песокъ...

Графиня отвернулась отъ него смѣясь и встрѣтила взглядъ сидящаго слѣва отъ нея Анкосова, который только что отказался отъ ростбифа sauge madère. Учтивость требовала звать гостя разговоромъ.

— Давно не видала я отца моего такимъ оживленнымъ какъ сегодня, начала графиня.—Наша новая знакомая, Natalie Алаярова, сумѣла расшевелить его. Посмотрите съ какимъ увлеченіемъ бесѣдуетъ онъ съ нею...

— Вы только что сегодня съ ней познакомились, графиня? спросилъ Сергій Петровичъ.

— Да, сегодня утромъ, но желаю продолжать наше знакомство и сблизиться съ нею. Она мнѣ очень понравилась. Скажу вамъ болѣе: такія встрѣчи какъ съ нею могутъ имѣть на всякаго, я въ томъ увѣрена, самое благотворное вліяніе.

— Вы сказали, графиня... Какъ странно!.. произнесъ въ изумленіи Анкосовъ и даже откинулся на спинку стула, глядя на графиню. Его поразило слово: *встрѣчи*.—А скажите, продолжалъ онъ,—что у нея... большія связи?... знакомства? Кого, напримѣръ, изъ вліятельныхъ лицъ знаетъ она хорошо? Говоря это уже съ нѣкоторою нервною тревогою, Анкосовъ заморгалъ лѣвымъ глазомъ.

* Страшная килевая качка.

Въ свою очередь удивленная такимъ неожиданнымъ и рѣзкимъ скачкомъ отъ красоты къ связямъ и знакомствамъ, графиня съ неудовольствіемъ посмотрѣла на Анкосова и замѣтила судорожное движеніе его лица и его мертвенную блѣдность. Тронутая болѣзненнымъ видомъ, она забыла о началѣ разговорѣ и съ сердечнымъ участіемъ сказала:

— Сергѣй Петровичъ, что съ вами? Вы сегодня блѣднѣе обыкновеннаго. Вы не бережете себя, слишкомъ много работаете.

Анкосовъ провелъ рукой по лицу, немного прижалъ пальцами глаза свои, и когда рука вновь опустилась, всѣ признаки тревоги исчезли.

— Благодарю васъ, за участіе, вы право такая добрая, прошу извинить меня если произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе. Я ужасно нервный. Надо бы мнѣ отдохнуть, съѣздить за границу полѣчиться.

„О! еслибъ я имѣла право ходить за тобою, дѣлать заботы твои, облегчать тебѣ трудовую жизнь“, подумала графиня, ошарашенная нѣсколькими ласковыми словами Анкосова.

А онъ въ то же время, остановясь мысленно на словахъ: *за границу*, имъ же самимъ случайно произнесенныхъ, мгновенно возвратился къ тѣмъ мыслямъ которыя мучили его въ теченіе цѣлаго дня. Быстро промелькнулъ въ головѣ его цѣлый рядъ впечатлѣній и воспоминаній: за границу, военное агентство, карьера, флигель-адъютантство, анонимное письмо, вѣрный случай предъ глазами и встрѣча съ ней, съ этою красавицей, у которой такіе черные, фатальные глаза.

„Неужели это она?“ думалъ Анкосовъ, „неужели судьба моя связана съ нею таинственными узами и неужели эта совсѣмъ молоденькая дѣвушка, малоизвѣстная въ Петербургѣ, можетъ имѣть ваіансіе?“

— Такъ какъ же, продолжалъ онъ говорить, глядя на графиню, которой добрые глаза блестѣли счастіемъ,—ваша новая знакомая имѣетъ большія связи между высокопоставленными лицами, обширныя знакомства?

Совсѣмъ не такого вопроса ожидала графиня и потому отвѣчала нѣсколько холоднымъ тономъ:

— На это не могу я дать вамъ никакого отвѣта, спросите у дяди Поля, онъ знакомъ съ нею и съ Гибсономъ давно, кажется былъ у нихъ еще въ Англiи.

Произнеся эти слова какъ-то разсѣянно, нехотя, она опять заговорила съ дядей.

Перемѣня тона графиня не укрылась отъ наблюдательности Анкосова. Онъ лучше всѣхъ умѣлъ различать тоны и понималъ инстинктивно что оставлять кого бы то ни было подъ дурнымъ впечатлѣніемъ вредно.

„Надо сказать ей что-нибудь веселое“, подумалъ онъ: „вонъ, шутить же съ нею графъ Павелъ Павловичъ“...

Дѣйствительно графъ Павелъ Павловичъ, утирая еще ротъ и усы послѣ вкуснаго ростбифа и сопровождавшаго его картофеля въ сухаряхъ, очень имъ любимаго, обратился не только лицомъ, но и всѣмъ туловищемъ къ графинѣ и говорилъ ей довольно шутивымъ тономъ.

— Лафиту прикажете, ваше сіятельство? прервалъ ихъ разговоръ Савелій Ивановичъ, нагнувъ голову къ графинѣ. Въ рукѣ держалъ онъ, немного поднимая кверху бутылку лафита съ такимъ видомъ уваженія къ жидкости въ ней содержащей что только что не говорилъ: сія бутылка заключаетъ въ себѣ такой лафитъ что она, бутылка, есть, собственно говоря, существо, а я, Савелій Ивановичъ, при ней только состою какъ прилагательное.

Графиня вылила немного лафита.

Въ столовой становилось уже жарковато. Разносили *filet de gelinottes aux truffes*. Разговоры дѣлались шумнѣе, лица замѣтно оживлялись, нѣкоторые принимали даже красноватый оттѣнокъ. Щечки Наташи тоже разгорѣлись. Она сидѣла *vis-à-vis* съ Анкосовымъ, между графомъ Петромъ Павловичемъ и генераломъ Вейсигомъ.

Съ самаго начала обѣда Вейсигъ, удивленный тѣмъ что сосѣдкѣ его подали, притомъ только ей одной стерляжьё уху, а потомъ вмѣсто кокилей и слоеныхъ пирожковъ какія-то аппетитные растегайчики и узнавъ отъ нея что такое а *parte* есть слѣдствіе соблюденія ею бывшаго въ то время Успенскаго поста, началъ слегка подсмѣиваться надъ ея ригоризмомъ. На эту тему завязался между ними тогда же при началѣ обѣда разговоръ. Графъ Петръ Павловичъ, сидѣвшій рядомъ съ Наташей, слѣдилъ за нимъ сперва разсѣянно, отъ нечего дѣлать, а потомъ съ интересомъ, постоянно возростающимъ. Его поразила умственная развитость дѣвушки, ея опредѣленно, точно выражаемая мысли. Было видно что она уже много передумала о предметѣ разговора и поступаетъ не безпричинно, а сознательно.

Вейсигъ старался поставить споръ о соблюденіи постовъ на почву реальную, опровергая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ доводы теологіи; она же, отнюдь не вступая на эту почву, держалась на точкѣ зрѣнія необходимости точнаго соблюденія существующихъ постановленій, уваженія къ преданіямъ старины.

Не привыкъ графъ слышать такіа разсужденія и такіа положительныя убѣжденія отъ русскихъ барышень.

Но въ особенности поразили графа слова Наташи, высказанныя ею при самомъ концѣ разговора.

— Вообразите себѣ на минуту, сказала она, — что вдругъ всѣ согласились бы исполнять только тѣ законы и тѣ постановленія которые (каждому нравятся, и не исполнять тѣхъ которые не нравятся. Представьте же себѣ какой произошелъ бы отъ того хаосъ, не только въ головѣ каждого, но и во всемъ обществѣ, во всѣхъ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. По мнѣ: критикуйте законъ, перемѣните его если онъ не хорошъ, но пока онъ держится, уважайте его.

„Вотъ именно этого-то у насъ и не умѣютъ“, подумалъ графъ, „вотъ отъ этого и происходитъ весь хаосъ, какъ въ обществѣ такъ и въ головѣ моей. Умная она дѣвочка, надо бы познакомиться съ ней поближе.“

Между Вейсигомъ и Наташей лакей подавалъ въ эту минуту большое блюдо гатчинскихъ форелей, за которымъ послѣдовали разные соусы и вина. Разговоръ прекратился. Графъ воспользовался перерывомъ его и обращаясь къ Наташѣ, сказалъ довольно уже оживленно:

— Позвольте, *mon Alayagof*, продолжить разговоръ, начатый вами съ Андреемъ Павловичемъ, онъ живо заинтересовалъ меня.

— Охотно, графъ, но лучше не сію минуту. Надѣюсь мы съ вами будемъ видѣться. Тетушка Эмилиа и Василій Федоровичъ будутъ очень счастливы видѣть васъ у себя. Что же меня касается, я не отстану отъ дочери вашей, милой графини Alexandrine, которая нравится мнѣ чрезвычайно. Я хочу видѣть ее какъ можно чаще.

— Благодарю васъ за нее и за себя; конечно съ радостью воспользуемся мы вашимъ любезнымъ приглашеніемъ; но все-таки не могу удержаться чтобы не предложить вамъ одного тоаько вопроса: скажите, какъ могли вы, такая еще молодая, услѣть сдѣлаться тѣмъ... какъ бы выразиться яснѣе... тѣмъ *capacitère entier*, какимъ вы оказались мнѣ, судя по вашимъ мыслямъ.

— Чтò вы называете *сагагèге entier*? Признаюсь, я не ясно понимаю это выраженіе.

— По моему, *увълный человекъ* тотъ кто считая какую-нибудь идею справедливою и вѣрною принимаетъ ее уже во всѣхъ ея частяхъ, со всѣми ея послѣдствіями и раификаціями и не ослабляетъ, не отвергаетъ ни одной частички ея, хотя бы эта частичка и казалась лишнею или утрированою, конечно въ смыслѣ той же идеи.

— Если я, отвѣчала Наташа,—принадлежу къ разряду вашихъ *сагагèге entiers*, то повѣрьте, графъ, что это сдѣлалось безсознательно: *j'ai fait de la prose sans m'en douter*. Такъ меня воспитали, и за то я благодарю Бога а затѣмъ добраго Василія Федоровича. Я спокойна и всегда весела духомъ, не такъ какъ многіе вокругъ меня. Вотъ, напримѣръ, посмотрите, графъ, на сидящаго противъ меня военнаго; *Alexandrine* познакомила меня съ нимъ предъ обѣдомъ. Я забыла его фамилію. Вонъ тотъ что говоритъ теперь съ *Alexandrine*. Онъ вѣроятно очень не локоенъ духомъ; какъ онъ блѣденъ! У него даже лицо какъ-то подергиваетъ. Онъ долженъ быть очень несчастливъ.

— Нѣтъ, онъ не особенно несчастливъ, отвѣчалъ графъ;— онъ почти то же что вы, онъ въ своемъ родѣ цѣльный человекъ, преданъ службѣ до фанатизма, до послѣдней капли крови, очень способный офицеръ и добросовѣстный работникъ, его способностями пользуются: *on en use, et on en abuse*. Заставляютъ его работать чрезъ силу, и вотъ почему онъ такой изнеможенный.

— Это очень благородно до такой степени любить свое отечество и такъ самоотверженно исполнять долгъ свой, замѣтила Наташа, глядя на Анкосова съ участіемъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на молодую графиню, о которой Наташа разспрашивала съ сердечнымъ участіемъ. Увлеченная разговоромъ она уже не обращала никакого вниманія на другаго своего сосѣда, Вейсига.

Бѣдный Вейсигъ видимо скучалъ.

Онъ попробовалъ начать бесѣду съ сосѣдомъ своимъ, юнымъ графомъ *Nicolas*, но неудачно. Тщетно старался увѣрить его Вейсигъ что всѣ его симпатіи на сторонѣ студентовъ. Долго и увлекательно говорилъ онъ ему о неумѣлости начальства справляться съ молодежью.

Nicolas молчалъ и ѣлъ.

— Надо стать съ ними вмѣстѣ и впереди ихъ, говорилъ Вейсигъ, тыкая ручкою ножа о скатерть;—надо овладѣть ихъ мыслями и вести ихъ за собой, но разумѣется не назадъ, а впередъ...

И Вейсигъ передвинулъ впередъ рюмку лафита, которую ему давно уже подали.

Nicolas молча выпивалъ свою рюмку лафита.

— Всякое ретроградное движеніе уже не мыслимо, горлился Вейсигъ.—Прочтите сочиненіе Тена: *Les origines de la France contemporaine*. Вы читали Тена?

Ротъ Nicolas былъ до того набитъ *filet de gelinottes aux truffes* что говорить онъ не могъ и только отрицательно кивнулъ головой что нѣтъ, дескать, не читалъ, отстань некогда.

— Я далеко не симпатизирую автору и его сочиненію, продолжалъ Вейсигъ съ гордымъ видомъ, дающимъ почувствовать все умственное превосходство его надъ Теномъ,—но въ немъ есть краснорѣчивая страница о молодежи. Я совѣтовалъ бы, графъ, вамъ, именно вамъ, скорѣе чѣмъ кому-нибудь другому, апрофондировать нынѣшнее состояніе молодежи, сойтись съ нею, слотиться во едино и тогда, когда приобрѣтете на умы студентовъ эфикасное товарищеское вліяніе, вести ихъ по пути разумнаго прогресса.

„Что онъ присталъ ко мнѣ?“ думалъ все это время молодой графъ, „не подозрѣваютъ ли меня въ участвованьи на какихъ-нибудь сходкахъ? Чортъ его знаетъ, онъ можетъ-быть изъ Третьяго Отдѣленія. Скажу ему какъ есть всю правду“.

— Да я, ваше превосходительство, никогда въ университѣ и не бываю. Я хожу только на экзамены и ни одного студента въ лицо не знаю и знать никогда не буду, говорилъ Никола тѣномъ провинившагося юноши, допрашиваемаго начальствомъ на слѣдствіи.

— *Punch glacé*, изволите приказать ваше сіятельство? спрашивалъ лакей, за которымъ стоялъ другой съ подносомъ уставленнымъ бокалами съ замороженною бѣлою лѣной.

Nicolas не отвѣчая перегнулся назадъ, самъ взялъ бокалъ и маленькую позолоченую ложечку.

Вооруженный бокаломъ *punch glacé*, онъ презиралъ всѣ рѣчи генерала. Болтай себѣ на здоровье!

Вейсигъ даже покраснѣлъ съ досады. Ради поученія не выпилъ даже рюмки лафита когда вино было нагрѣто до

надлежащаго градуса, а прожорливый этотъ боровъ вѣроятно и не слушалъ его...

Но не одинъ молодой графъ Nicolas уважалъ gelinottes aux truffes. Его дядя, графъ Павелъ Павловичъ, тоже ими не брезгалъ. Пока онъ истреблялъ ихъ, Анкосовъ, уже давно закончивъ со взятымъ небольшимъ кусочкомъ, счелъ должнымъ исправить дурное впечатлѣнiе произведенное имъ на Alexandrine настойчивыми вопросами объ Анаяровой. Придумывая какъ бы лучше выказать равнодушия къ этой гордой барышнѣ, доказать что ею болѣе не занимается и что вниманiе его обращено въ равной мѣрѣ и на другихъ, онъ сказалъ довольно громко, такъ какъ общiй говоръ становился уже значительно шумнымъ:

— Посмотрите, графиня, на Гибсона съ Еленой Трофимовной. Этотъ джентльменъ—не знаю какъ онъ приходится вашей фавориткѣ mlle Alayaof, покровитель ея, что ли?—сидитъ себѣ недвижно и молчитъ какъ скала Гибралтара, а Елена Трофимовна бьется объ эту скалу какъ волна морская во время прибой, и все напрасно. Отъ скалы отскакиваетъ лѣва ея краснорѣчiя.

— Какое у васъ сегодня поэтическое настроенiе, Сергѣй Петровичъ. Елена и Гибсонъ—волна морская и скала Гибралтара. Правда что и дядя Paul только что предъ вами сравнивалъ одну даму съ моремъ, но не такъ поэтично.

— А Суздальскiй? Вонъ онъ сидитъ посафдшимъ на нашей сторонѣ, возлѣ Марьи Федотовны и почти vis-à-vis съ Гибсономъ; посмотрите, какими глазами слѣдитъ онъ за Еленой Трофимовной. Не правда ли что она ведетъ одновременно два разговора, одинъ, языкомъ, съ Гибсономъ, а другой, глазами, съ Суздальскимъ? Желалъ бы я знать который изъ двухъ ее болѣе интересуетъ.

— Ни тотъ, ни другой, отвѣтила улыбаясь своею доброю мягкою улыбкой графиня.—Ее сегодня занимаютъ болѣе всего и интересуютъ болѣе всѣхъ двое моихъ сосѣдей: вы и дядя Paul.

Въ это время разносили уже жаркое и разливали шампанское въ плоскiя рюмки; но аллетить гостей былъ уже настолько удовлетворенъ что ѣда не прелятствовала продолженiю разговора.

Графиня передала обоимъ сосѣдямъ просьбу Елены о назначенiи отца ея членомъ Комитета.

Анкосовъ отвѣчалъ что отъ него ничего не зависитъ и что его ходатайство не окажетъ никакой помощи, а графъ общалъ полное содѣйствіе и тутъ же обратился къ доктору Рыбину, сидѣвшему рядомъ съ Гибсономъ, съ просьбой зайти къ нему въ Петербургъ въ четвергъ, въ одиннадцать часовъ утра, по дѣлу весьма важному.

Елена, какъ бы въ знакъ благодарности за услугу, приподняла рюмку съ шампанскимъ и поклонилась графу.

Всѣ видѣли ея поклонъ и приписали его благодарности дочери за какую-то услугу которую графъ собирается сдѣлать Рыбину, но никто кромѣ графа не видѣлъ брошеннаго ею при этомъ взгляда и никто кромѣ Елены не видѣлъ страстнаго отвѣтнаго взора графа.

— Что это значитъ, *cher docteur*? спросилъ Гибсонъ, сидѣвшій рядомъ съ докторомъ. — Не думаетъ ли онъ сдѣлать васъ наследникомъ всего своего состоянія.

— Ничего не понимаю, отвѣчалъ Рыбинъ. — Что касается его наследства, полагаю что у него долговъ больше чѣмъ состоянія.

— Надо спросить у Елены Трофимовны, *elle est dans le secret*.

— Вотъ какъ! отвѣтилъ докторъ, и густыя нависшія брови его сдвинулись. Съ неудовольствіемъ пожалъ онъ плечами, но разговора не продолжалъ.

Прошло уже горячее пирожное какого-то невозможнаго наименованія, мороженое нѣсколькихъ цвѣтовъ, и начали разносить десертъ и фрукты.

Насталъ тотъ фазисъ обѣда когда всѣ говорятъ громко и больше говорятъ, кричатъ и смѣются собственнымъ словамъ чѣмъ слушаютъ.

Дѣлалось жарко, душно. Приходилось дышать испареніями всего того что было подаваемо отъ начала обѣда.

Съ одного конца стола сквозь весь говоръ побѣдоносно прорывались рѣзкія ноты голоса Марьи Федотовны. Какъ всегда, она говорила не иначе какъ по-французски, то-есть она воображала что говорить по-французски и, какъ всегда, смотрѣла, на молодого человѣка, съ которымъ случайно встрѣтилась, не иначе какъ на непремѣннаго претендента на руку ея дочери. А потому, въ первой половинѣ обѣда старалась вкоренить въ богатенькомъ гусарѣ увѣренность что принадлежать къ ея семьѣ есть *bonheur supérieur*, и

краснорѣчиво исчисляла всѣ качества дочери и во главѣ всего son innocence.

— Elle est comme-ça comme un enfant de cinq ans. je ne lui permets pas de lire les journaux. Vous savez, nos journaux, ils écrivent toutes les histoires de ces jugements, où des demoiselles fautives parlent haut. Je n'aime pas qu'une demoiselle pense de mauvaises choses.

Надоѣла князю Суздальскому толстая Марья Федотовна какъ пластырь.

— Эту фемельку Еленку, думалъ онъ подь звуки французско-нижегородскихъ фразъ Марьи Федотовны, — надо проучить чтобы не заглядывалась такъ на бульдога Гибсона.

Въ это время Марья Федотовна настойчиво требовала отъ Суздальскаго отвѣта, котораго тотъ не давалъ ей въ разсѣянности; въ нетерпѣннѣи она теребила его за золотой шнуръ и спрашивала: когда придеть послѣднїй поѣздъ изъ Гатчины въ Петербургъ.

— Oui, madame, complètement de votre avis, ** торопился онъ отвѣчать ей не разслушавъ даже вопроса.

Со своей стороны Анкосовъ говорилъ графинѣ:

— Дядюшка вашъ, графъ Павелъ Павловичъ не сегодня завтра будетъ министромъ. У него и видъ такой: d'un homme bien vu en haut lieu.

— Легко быть-можетъ, отвѣтила графиня. — У него большія связи и его любятъ за услужливость. Ils se rendent des services réciproques, ces messieurs. *** Вотъ вы спрашивали есть ли у Алаяровой связи и знакомства. Дядя мой одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ друзей ея.

— Вы, графиня, увѣрены что графъ Павелъ Павловичъ исполнить всякую просьбу, всякое ходатайство... Наталья... Наталья...

— Васильевны, отвѣчала Alexandrine.

— Наталья Васильевны, повторилъ Анкосовъ такъ громко

* Она у меня какъ пятилѣтнїй ребенокъ. Я не позволяю ей читать журналовъ, вы знаете наши журналы, они описываютъ подробно всѣ судебныя дѣла, въ которыхъ испорченныя дѣвушки такъ поговариваютъ. Я не люблю чтобы дѣвица думала о непристойныхъ вещахъ.

** Да, да! вполне съ вами согласенъ.

*** Господа эти оказываютъ другъ другу взаимныя услуги.

ло случаю всеобщаго шума, что Наташа услышала, и удивясь обратила вопросительно взоръ на Анкосова и на Alexandrine.

— Вышла маленькая неловкость. Анкосовъ начиналъ уже моргать лѣвымъ глазомъ.

Чтобы прекратить недоразумѣніе, графиня послѣшила почти крикнуть, до того общій шумъ былъ великъ:

— Мы съ Сергѣемъ Петровичемъ говорили о томъ что вы, Natalie, знакомы съ моимъ дядей, но я не могла сказать когда и гдѣ вы съ нимъ познакомились.

Расходившійся статсъ-секретарь пожелалъ тоже принять участіе въ разговорѣ между двумя сторонами стола и очень громко началъ разказывать что съ мистеромъ Гибсономъ познакомила давно, еще въ Лондонѣ, когда Наталья Васильевна была еще маленькою дѣвочкой, „гораздо ниже вотъ этого канделябра“, а потомъ познакомила и съ нею въ Петербургѣ, встрѣтивъ ее сперва на балѣ у ангайскаго посла, а теперь нередко бываетъ у нихъ въ домѣ.

— Вы вѣроятно очень дружны съ женой ангайскаго посла? спросилъ Анкосовъ у Наташи.

— Я больше была знакома съ дочерью его предмѣстника и съ нимъ самимъ, отвѣтила Наташа.—Онъ рѣдкій, прекрасный человекъ.

— Какъ всѣ должностныя лица Ангаіи, сказалъ съ горячностью и очень громко Вейсигъ.—Всѣ они люди умные и солидарны съ народомъ.

Голосъ Вейсига начиналъ уже привлекать на себя общее вниманіе, до того былъ звонокъ.

— Повѣрьте, генераль, что такъ хорошо кажется все издали. Славны бубны за горами, замѣтилъ графъ Павелъ Павловичъ.

— А скажите-ко, графъ, прокричалъ Вейсигъ уже такъ громко и рѣзко что взоры всѣхъ обратились на него,—скажите: кто дѣлаетъ у насъ карьеру?

Анкосовъ быстро поднялъ голову отъ тарелки на которой лежала кисть винограда и съ любопытствомъ вперилъ глаза въ говорившаго.

— Мы видимъ кучку вельможъ, пояснялъ Вейсигъ,—людей иногда способныхъ и честныхъ, но сошедшихся случайно и почти никогда не знающихъ своего дѣла à fond; въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываютъ постоянно компромиссы съ

собственною и съ общественною совѣстью. Спрашиваю: отчего это такъ?

Разумѣется никто не отвѣчалъ, а потому ораторъ продожалъ:

— Неужели въ Россіи нѣтъ умныхъ, прогрессивно и европейски развитыхъ людей? Ихъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; но имъ нѣтъ арены для выказыванія своихъ способностей и познаній; наши свѣтлыя головы прячутся въ толгѣ, не умѣютъ пользоваться случаемъ, *продюжировать* себя...

— Вотъ въ этомъ отношеніи можно пожалуй согласиться съ вами, генералъ, прервалъ Вейсига графъ Павелъ Павловичъ, которому смерть какъ надоѣла трескотня Цицерона. Правду говорите вы: если умный человекъ почувствуетъ желаніе получить какое-нибудь служебное назначеніе, сдѣлать карьеру, онъ ищетъ средствъ *продюжировать* себя, какъ вы изволили сказать, Богъ знаетъ гдѣ. *Il cherche midi à quatorze heures*, а между тѣмъ средство обыкновенно тутъ же въ его рукахъ. Всѣмъ этимъ господамъ я посоветовалъ бы написать на дверяхъ своихъ квартиръ, надъ кроватями и рабочими столами, всюду, мудрое изреченіе практическихъ людей: „Не ищите случая далеко, посмотрите, онъ предъ вашими глазами“, съ особымъ удареніемъ на послѣднія слова произнесъ ихъ графъ и бросилъ бѣглый взглядъ сперва на Анкосова, съ него—на Наташу, а потомъ—на Елену.

Какъ ужаленный, какъ двинутый электрическимъ ударомъ, вскочилъ со стула ошеломленный Анкосовъ, сильно заморгавъ лѣвымъ глазомъ.

Никто, впрочемъ, не обратилъ на это вниманія, такъ какъ всѣ въ то же мгновеніе вставали изъ-за стола, отряхивая сюртуки и платья. Лакеи съ шумомъ отодвигали стулья.

Но Наташа не могла не замѣтить ошеломленнаго вида своего *vis-à-vis*, не спускавшаго съ нея помутавшихся глазъ. Его блѣдность, судорога въ лицѣ и что-то странное въ глазахъ изумила ее и возбудила въ ней участіе къ страждущему отъ непосильной работы патриоту.

Это доброе участіе замѣтилъ и Анкосовъ.

Когда нѣсколько секундъ спустя онъ началъ вновь искать ее глазами, то увидѣлъ ее около Габсона. Оба съ участіемъ и какъ будто удивленно смотрѣли на него, но тотчасъ же отвернулись и двинулись вмѣстѣ изъ столовой.

— Кофе прикажете подать въ малую гостиную ваше сіятельство? спросилъ Савелій Ивановичъ молодую графиню. Онъ имѣлъ видъ полководца, только-что одержавшаго блистательную побѣду, но нисколько не удивлявшагося услѣху.

— Нѣтъ, подайте кофе и ликеръ въ кабинетъ графа; тамъ будетъ лучше, отвѣчала графиня и пошла вмѣстѣ съ гостями.

Всѣ, весело разговаривая, послѣдовали за хозяйкой. Наташа идя рядомъ съ Гибсономъ говорила ему:

— Я ужасно испугалась, глядя на этого бѣднаго офицера. Вы его хорошо знаете, Василій Ѳеодоровичъ?

— Сегодня вижу въ первый разъ, отвѣтилъ Гибсонъ.—Мнѣ показался онъ какимъ-то нервно-больнымъ. Здѣсь въ Петербургѣ столько этихъ больныхъ нервами! Слѣдствіе климата, образа жизни.

— Мнѣ говорили, Василій Ѳеодоровичъ, что онъ страдаетъ отъ непомерной работы. Онъ хорошо знаетъ дѣло, и его завадываютъ работами. А онъ такой добросовѣстный исполнитель долга что жертвуетъ собой изъ любви къ отечеству. Не находите ли вы что это все равно что быть раненымъ въ сраженіи? Вѣдь это очень благородно. Мнѣ жаль смотрѣть на него.

— Конечно очень благородно жертвовать собою изъ любви къ отечеству, но почему вы такъ увѣрены, Natalie, что вамъ сказали правду. Легко быть можетъ что оно и не совсѣмъ такъ, и что полковникъ Анкосовъ страдаетъ не отъ непосильной работы, а отъ чрезмернаго честолюбія. Есть такая болѣзнь, которую производить l'ambition rentrée. Страждущіе ею имѣютъ точно такой видъ. А потому не увлекайтесь, Natalie, и не забывайте что нельзя принимать за непремѣнную истину все что болтаетъ свѣтъ.

Графъ Павелъ искалъ Елену, но не нашелъ ее. Она куда-то незамѣтно скрылась.

Столовые круглые часы, вѣланные въ стѣну надъ буфетомъ, показывали восемь часовъ десять минутъ.

Слишкомъ два часа употреблено было на обѣдъ.

Елена не забыла что въ восемь часовъ она должна быть у калитки сада, а потому послѣдшне сбѣжала по лѣстницѣ въ комнаты графини, не встрѣтивъ тамъ никого, сама отыскала оренбургскій вязаный платокъ, накинула его на голову и послѣдила домой.

Солнце сѣло уже съ часъ тому назадъ, но на дворѣ не было еще ночной темноты. Продолжались длинныя петербургскія сумерки, при которыхъ предметы сливаются въ общій темно-сѣрый тонъ, но еще можно разсмотрѣть хорошо то что надо непременно увидѣть. Тянуло свѣжею, сырою прохладой отъ ближайшаго лѣса и пріятно освѣжало лицо дѣвушки, разгоряченное долгимъ обѣдомъ.

Не заходя въ комнаты своего дома, чрезъ дверь прошла она прямо въ садъ, и за наружною калиткой, ведущей изъ сада въ такъ-называемый Орловскій лѣсъ, увидѣла сидящаго на лѣвѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ калитки мушину въ темной одеждѣ. При видѣ вышедшей изъ калитки дѣвушки, онъ всталъ и углубился далѣе въ лѣсъ.

Елена послѣдовала за нимъ.

Сдѣлавъ шаговъ тридцать, оба остановились. Мушина, въ одеждѣ простаго мастерового и въ фуражкѣ, выждавъ пока Елена подошла къ нему совсѣмъ близко, протянулъ къ ней руку и съ нетерпѣніемъ, но не громко сказалъ ей:

— Что, бумага есть?

— Вотъ она, возьмите, отвѣчала Елена.

— Ну, лапцѣнка, умная дѣвочка, отвѣчалъ мушина уже бодрѣе спокойнымъ голосомъ.

— Да, лапцѣнка! отозвалась Елена со вздохомъ.— Еслибы вы знали, Любовь, чего стоило мнѣ это и до какой степени мнѣ все это противно!

— Ужь не разъ говорилъ я вамъ и повторяю опять: въ такихъ дѣлахъ нельзя мѣнять направленія и переходить отъ одного образа мыслей къ другому. Дѣло это вѣдь серьезное, не то что любовь какая-нибудь, или тамъ дружба, сердечная привязанность и всякая такая дребедень. Все это можно вѣдь какъ нельзя легче, въ случаѣ чего, и по боку хватить, въ помойную яму выбросить, коли ужъ не нужно?

Любовь насмѣшливо и злобно хихикалъ, а Елена молчала, потупивъ глаза. Тонъ Лобова леденилъ ей сердце.

Трудно изобразить то нравственное страданіе которое испытывала она въ эти минуты.

Ее страшила и невыносима была ей зависимость отъ Лобова, въ которую она добровольно себя поставила; зависимость унижительная. И изъ-за чего? Никакой симпатіи къ партіи социальна-революціонной въ ней не было, или вѣрнѣе,

давно она уже исчезла, такъ какъ и не происходила она изъ собственныхъ убѣжденій, а была ей навязана; теперь ее вѣкао совсѣмъ въ другую сторону...

Какъ будто проникая мысли дѣвушки, Любовь спросилъ ее проиически улыбаясь:

— Ну, а какъ же идутъ дѣла ваши съ господиномъ Гибсономъ? Подвигается ли хоть сколько-нибудь выкуриваніе воспитанницы его? Что дѣло съ Анкосовымъ? Клянуль ли онъ червячка на вашей удочкѣ?

Елена передала ему вкратцѣ весь разговоръ свой съ Павломъ Трояновскимъ и выходку его въ концѣ обѣда.

— Ай да молодецъ статсъ-секретарь! отличился! Значить съ этой стороны все идетъ впередъ, ну и прекрасно; а вотъ что не нравится мнѣ: это дружба Алааровой съ моею кузиной Alexandrine. Вы присмотрите за ними. Заберется эта Жанъ-д'Аркъ въ домъ дядюшки и надоумитъ пожалуй отстать отъ Бирюзовой.

Послѣ десятиминутнаго разговора они разошлись; она пошла къ себѣ домой, а онъ по дорогѣ въ Пудость, гдѣ ожидалъ его мужикъ съ телегой.

VIII.

Раннею весной 1870 года прибыла изъ Лондона въ Петербургъ тетка Василія Федоровича, Эмилиа Гибсонъ, пятидесятилѣтняя вдова бывшаго англійскаго резидента при магараджи Альвара.

Мужъ ея, полковникъ Эдвардъ Гибсонъ, давно покинулъ Индію и умеръ въ Англіи, въ замкѣ старшаго брата своего, лорда Портвельса, выдавъ предварительно обѣихъ дочерей своихъ за почтенныхъ землевладѣльцевъ жившихъ въ составѣ замка.

Никакого состоянія вдовѣ своей полковникъ не оставилъ. Въмѣсто денегъ наканунѣ смерти онъ передалъ ей свои литературные труды, рукописи почтенныхъ размѣровъ, заключающія въ себѣ, вопервыхъ, недоведенное до конца сочиненіе его объ Индіи, и вовторыхъ, описаніе собственной его жизни, съ приложеніемъ множества различныхъ документовъ. Все это заключалось въ трехъ переплетеныхъ въ красный

сафьянъ томахъ, двухъ болѣе тонкихъ и одномъ очень толстомъ. На болѣе тонкихъ была на первомъ листѣ каждого, написанная или скорѣе нарисованная, чрезвычайно красиво, надпись: „Historical sketch of India“, * а на толстомъ: „A short sketch of my life“. **

Собственно біографія полковника не занимала и десятой части толстой книги; остальные девять десятыхъ состояли изъ документовъ, патентовъ и скорѣе частной чѣмъ официальной корреспонденціи покойника.

Схоронивъ мужа, мистриссъ Гибсонъ вознамѣрилась напечатать историческое сочиненіе покойника, разчитывая конечно на барыши отъ продажи изданія. Она охотно напечатала бы съ тою же цѣлью и біографію мужа, но отъ мысли этой отказалась, прочтя тѣ страницы гдѣ говорилось съ нѣкоторою неосторожною откровенностію о ней самой и тѣхъ на которыхъ съ неменьшею неделикатностію изложены были подробности о дочеряхъ ихъ, о племянникѣ Уильямѣ и объ интригахъ веденныхъ въ 1859 году всею прекрасною половиною его семьи, съ цѣлью поскорѣе выпроводить куда-нибудь дочь магараджи Анумати, въ которую юный племянникъ влюбился по уши.

Въ 1867 и 1868 годахъ въ замкѣ лорда Портвельса гостилъ нерѣдко сынъ его, Уильямъ Гибсонъ, съ восьмилѣтнею Наташей. Видъ этой дѣвочки живо напоминалъ отставному полковнику любимую имъ Индію. Въ мрачномъ замкѣ брата онъ скучалъ по ясному небу Индіи, которой никто кромѣ дочери Анумати не напоминалъ ему. Только черные, огненные глаза Наташи, которую никогда не называлъ онъ иначе какъ Наталика, только плавныя движенія ея и позы исполненныя естественной и обворожительной граціи, напоминали ему поэзію тропической природы и красоту жителей края, гдѣ, по увѣренію полковника, былъ рай Адама и Евы.

Глядя на дѣвочку онъ мысленно возвращался къ миновавшей жизни, когда полныи силы и дѣятельности занималъ важный постъ резидента. Въ воспоминаніи его воскресла праздничная торжественная процессія, золотомъ

* Историческій очеркъ Индіи.

** Моя краткая біографія.

покрытый слонъ и на немъ дивная красавица. Видя племянника попрежнему холостымъ, полковникъ думалъ что есаубы не интрига его жены, есаубъ Уыльямъ вмѣсто дочери привезъ съ собою мать, она была бы жива и быть - можетъ очень счастлива и теперь ходила бы здѣсь около него, старика, и онъ не былъ бы такъ одинокъ, такъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ прекрасной Индіи. Полюбилъ старый полковникъ дочь Ану-мати всею любовью своею къ Индіи, къ прожитой жизни, къ бывшему славному положенію, и считалъ себя неправымъ предъ убитою, облегчалъ угрызения совѣсти своей лаской и любовью къ ребенку. Всѣ послѣднія страницы его біографіи были наполнены именемъ Наталики, всѣ мысли его свидѣтельствовали о желаніи искупить зло причиненное ея матери.

Читая эти страницы, мистриссъ Гибсонъ почувствовала въ первый разъ что дѣйствительно интрига ея была дѣломъ не совсѣмъ похвальнымъ, и совѣсть ея заговорила въ свою очередь. Сидя одна съ раскрытымъ манускриптомъ въ рукахъ, въ кабинетѣ покойнаго мужа и отирая обильныя слезы, вызванныя изъ глазъ ея при чтеніи добрыхъ и честныхъ мыслей покойника, она казалось слышала слова самого умершаго, который изъ-за гроба какъ бы завѣщалъ ей исполнить его душевныя желанія, его послѣднюю волю.

„Мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ“, думала она, „и я одна. Дочерямъ я не нужна, ихъ мужья да и онѣ сами меня чуждаются. Заботы о ребенкѣ наполняютъ пустую жизнь мою.“

Принявъ такое рѣшеніе, она въ одинъ туманный и сѣрый день, какіе постоянно бываютъ въ Лондонѣ, спрятавъ въ свой комодъ толстый томъ біографіи, завернула въ салфетку два другіе тома: *Historical sketch of India* и отправилась въ Лондонъ къ племяннику, съ предложеніемъ посвятить остатокъ дней своихъ заботамъ о Наталикѣ.

Въ это время Уыльямъ Гибсонъ уже рѣшился переѣхать въ Петербургъ, онъ оставилъ военную службу и опредѣлился агентомъ въ богатый коммерческій домъ Сити, подъ фирмою *Stephenson & Co.*, торгующій лѣсомъ. Домъ этотъ имѣлъ контору въ Петербургѣ. Управлявшій ею только что умеръ, и на его мѣсто, по ходатайству лорда Портвельса, былъ принятъ Уыльямъ Гибсонъ. Отецъ не только хлопоталъ о немъ, но и внесъ значительную сумму залога. Гибсонъ обязался вылатить ее по частямъ, что до 1879 года уже и исполнялъ.

Выслушавъ предложеніе тетки, Гибсонъ сообразилъ: что такъ какъ, во всякомъ случаѣ, ему необходима почтенныхъ дѣтъ дама, которая могла бы въ домѣ его играть роль хозяйки, а потомъ когда Наташа будетъ уже взрослою роль матери, то лучше же взять въ домъ тетку, которая сама ревностно желаетъ заботиться о дѣвочкѣ чѣмъ какую-либо постороннюю даму.

Вотъ почему раннею весной 1870 года Эмилиа Гибсонъ прибыла изъ Лондона въ Петербургъ съ массой рекомендательныхъ писемъ ко многимъ англійскимъ и русскимъ жителямъ столицы, и не теряя времени принялась за дѣло. Купила на имя Наташи небольшой каменный домъ съ обширнымъ дворомъ въ четвертой линіи Васильевскаго Острова; переделала его на новый ладъ, украсила, вычистила; прибавила, понаделала нѣсколько новыхъ, внутреннихъ дѣтъницъ; сломала всѣ деревянные службы, сараи, конюшни, выстроила новые каменные; вымостила дворъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ, къ удивленію сосѣдей, сдѣлала изъ дома имѣвшего видъ грязнаго сундука съ отверстиями для воздуха чрезвычайно уютную и красивую архитектурную игрушку.

Каждый день, съ утра, сосѣди видѣли гжу Гибсонъ на работахъ. Всѣ звали ее полковницей и Эмилией Ивановной, но кто первый догадался прибавить къ имени Эмилии отчество Ивановна, осталось неизвѣстнымъ.

Первое знакомство съ Русскимъ народомъ произошло у нея чрезъ каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ и кровельщиковъ. Первые русскія слова ею произнесенныя были: „дамы на водка“. Величайшаго труда стоило ей понять слово *авось*. Да и врядъ ли понимала она это выраженіе и теперь послѣ девятилѣтняго пребыванія въ Россіи. Очень скоро научилась она терминамъ строительнаго искусства; они такъ сильно вѣзались ей въ память что проживъ въ Россіи болѣе десяти лѣтъ, она нерѣдко прибѣгала къ нимъ чтобы яснѣе передать мысль свою.

Когда напримѣръ кто-нибудь не хотѣлъ высказать предъ нею положительнаго мнѣнія о какомъ-нибудь предметѣ или отвѣтить на вопросъ ея рѣшительнымъ: *да* либо *нѣтъ*, она всегда говорила:

— Не сводите отвѣтовъ на-нѣтъ, рубите прямо.

Бывшій въ прежнемъ домѣ въ срединѣ его входъ и крутую деревянную дѣтъницу въ верхній этажъ она уничтожила и

придѣлала къ обоемъ концамъ дома, подъ одну общую кровлю съ прежнимъ строеніемъ, двѣ каменные пристройки. Въ одной помѣстила каменную въ два оборота лѣстницу съ чугунными перилами и комнату для швейцара; въ другой, загнутаю подъ прямымъ угломъ на короткое разстояніе во дворъ, помѣстила въ нижнемъ этажѣ кухню, а въ верхнемъ комнаты для прислуги.

На обѣихъ половинкахъ большой выходной двери въ пристройкѣ, гдѣ была швейцарская, блестѣли двѣ мѣдныя дощечки съ вырѣзанными на одной по-русски и по-англійски *B. O. Gibson* и *William Gibson* и на другой: *M. Emilia Gibson*.

Фасадъ нижняго этажа, окнами на улицу, занятъ былъ общею столовою и тремя комнатами Уильяма, приемною, библіотекой и кабинетомъ; окнами на дворъ выходили комнаты Эмилиі Ивановны, буфетная, теплый чуланъ, шкафааа комната съ витою лѣстницей въ верхній этажъ.

Такое же точно расположеніе было и въ верхнемъ этажѣ. Изъ передней входили прямо въ небольшую залу, за которою шли гостиная, чайная и кабинетъ Наташи. Комнаты эти были надъ столовою и квартирой Гибсона. Изъ кабинета Наташи выдавался на улицу теплый балконъ съ широкими окнами. Окнами во дворъ были: уборная Наташи, ея спальня, комнатка въ которую выходила внутренняя витая лѣстница, соединяющая оба этажа, и большая комната Анны Ефимовны, рядомъ со спальней Наташи.

Кабинеты Наташи въ верхнемъ этажѣ и Гибсона въ нижнемъ, расположенные одинъ надъ другимъ, были самыми большими комнатами въ домѣ. Кабинетъ Гибсона съ тремя окнами на улицу имѣлъ двѣ двери; одна изъ нихъ соединяла кабинетъ съ небольшою библіотекой и чрезъ нее съ рядомъ прочихъ комнатъ, выдающихся на улицу, а другая, одностворчатая, покрытая обоями, вела въ комнату съ витою лѣстницей на верхъ и въ переднюю съ выходомъ на дворъ.

Посреди кабинета Гибсона стоялъ письменный столъ; предъ нимъ, съ одной стороны, плетеное кресло хозяина, а съ другой, кресло и стулъ обитые темнозеленымъ сафьяномъ. Вся мебель кабинета, весьма впрочемъ простая, была обита тѣмъ же сафьяномъ. Кабинетъ Гибсона отличался не мебелью, а поразительнымъ количествомъ картинъ. Онѣ покрывали всѣ стѣны, такъ что подъ массою рамъ только мѣстами просвѣчивали свѣтломалиновые обои стѣвъ.

Большая часть картинъ, хотя и была подписана именами не прославленными еще въ артистическомъ мѣрѣ, представляла лично для Гибсона живой интересъ, потому что изображала мѣста и сцены имъ видѣнныя и пережитыя. Въ числѣ ихъ былъ видъ дворца магараджи Альвара, много видовъ Бомбея, внутренній видъ дворца Джузакскаго бека съ террасой, гдѣ ранена была Анумати, нѣсколько индѣйскихъ пейзажей, большіе масляными красками портреты извѣстнѣйшихъ англійскихъ министровъ и тому подобное.

На письменномъ столѣ кромѣ необходимыхъ письменныхъ принадлежностей и небольшихъ часовъ не было никакихъ излишнихъ бездѣлушекъ. На немъ стояли въ изящныхъ рамкахъ три небольшіе портрета. Одинъ представлялъ престарелаго ребенка въ индѣйскомъ костюмѣ, второй — стройную дѣвушку верхомъ на бѣлой лошади, посреди лѣса. Портретъ этотъ написанъ былъ годъ тому назадъ въ Лондонѣ, въ бытность тамъ Гибсона съ Наташей. И ребенокъ, и стройная дѣвушка напоминали ее. Наконецъ, третьимъ былъ превосходный портретъ Наташи сдѣланный въ Петербургѣ извѣстнымъ русскимъ художникомъ.

Рядомъ съ письменнымъ столомъ на особо стоящемъ треножникѣ была картина изображающая ту комнату дворца Джузакскаго бека въ которой умерла Анумати. Полуразграбленная послѣ штурма комната... Диваны всѣ, кромѣ одного, лишенные покрывавшихъ ихъ ковровъ, отодвинутое отъ складнаго стола походное желѣзное кресло, какъ будто только что кѣмъ покинутое, кровать завѣшанная пологомъ, сквозь который неясно обрисовывалось тѣло покойницы, покрытое малиновымъ одѣяломъ, и ни одного живаго существа въ тускло освѣщенной комнатѣ... Царство смерти.

Въ двухъ простѣвикахъ между окнами были столики съ цѣлою массой фотографическихъ портретовъ въ разнообразныхъ рамкахъ и всевозможныхъ величинъ.

Гибсонъ любилъ воспоминанія, не забывалъ прожитаго и никогда не пренебрегалъ ни минувшими событіями, ни лаямятью уже отошедшихъ лицъ.

Для черезъ четыре по возвращеніи съ охоты изъ Гатчины, утромъ часовъ въ одиннадцать, Гибсонъ былъ въ кабинетѣ одинъ. Онъ сидѣлъ предъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежалъ развернутый подробный планъ какого-то большого зданія со многими вѣтками. На планѣ лежалъ листъ бумаги и

циркуль. Гибсонъ держалъ въ рукѣ карандашъ надъ листомъ бумаги, но глаза его смотрѣли не на бумагу и не на планъ, а на портретъ Наташи.

Глядя на него онъ замечтался. Изъ головы его не выходила подробности прожитыхъ послѣднихъ дней. Обыкновенно тихій домъ на Васильевскомъ Островѣ необычно оживился за это время новыми знакомствами. То и дѣло прѣзжали гости: Рыбины, Вейсигъ, Анкосовъ, особенно часто Анкосовъ. Гибсону теперь припомнились слова сказанныя Наташей тономъ такого живаго участія объ Анкосовѣ; она говорила о немъ не только въ день обѣда у Трояновскихъ, но и послѣ, когда Анкосовъ уже сошелся съ ней ближе, послѣ того даже что онъ посѣтилъ ихъ у доктора Рыбина и здѣсь уже въ городѣ и такъ явно началъ ею интересоваться.

„Что жь, думалъ Гибсонъ, разсѣянно бросивъ карандашъ на планъ,—рано или поздно надо же выдавать дочь замужъ. Надо только быть увѣреннымъ что Анкосовъ, если ужь суждено ей увлечься имъ, достоинъ такой жены. Рыбинъ его хвалить, Елена тоже...“

Гибсонъ всталъ съ кресла и заложивъ руки за спину подъ отвороченный сюртукъ началъ ходить по комнатѣ.

Онъ вспоминалъ что за завтракомъ у Рыбиныхъ, когда про Анкосова никто еще и не думалъ, Елена горячо толковала ему о необходимости выдать скорѣе Наташу замужъ чтобъ отвлечь ее отъ мистическихъ увлеченій. При этомъ случаѣ она говорила даже и о томъ какой именно мужъ могъ бы составить ея счастье.

„По ея описанію, вспомнилъ Гибсонъ съ краскою въ лицѣ, а одно мгновеніе подумалъ что она намекаетъ обо мнѣ самомъ, у меня мелькнула даже мысль что быть-можетъ Наташа говорила ей какъ подругѣ своей что-нибудь подобное. Какой все это вздоръ! Вотъ что не вздоръ, такъ это поведеніе самой Елены. Она явно въ какой-то интригѣ съ этимъ молодымъ человѣкомъ Лобовымъ, а онъ какой-то — социалистъ. Въ особенности не нравится мнѣ что они оба вмѣшиваются какъ-то въ интриги свои Наташу и молодую графиню. Тутъ много для меня неяснаго, но чувствую что эти люди обтягиваютъ насъ точно лаутиной. У нихъ какъ будто есть какая-то задача, которую рѣшить они безъ насъ не могутъ...“

Его разсужденія были прерваны нѣсколькими послѣдовательными ударами въ маленькую дверь.

— Войдите! крикнулъ Гибсонъ.

Вошла тетка Эмилія и за нею показась фигура мастера-ваго, одѣтаго въ пестрядинный хахатъ съ небольшоимъ за-грязненнымъ и засаженнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

— Что угодно вамъ, тетушка? спросилъ Гибсонъ по-ан-глійски, ласково здороваясь съ мистриссъ Эмилією, которую въ то утро не видалъ еще.

— Добраго утра, Уильямъ, отвѣчала вдова.—Я привела къ вамъ слесаря; вы говорили что въ столѣ вашемъ испорченъ замокъ, нельзя отворить ящика. Я привела человѣка кото-рый при мнѣ вынетъ замокъ и поправитъ.

— Да, да! отвѣчалъ Гибсонъ,—благодарю васъ за хлопоты. Вотъ я покажу ему самъ что надо сдѣлать.

Пока слесарь, ставъ предъ столомъ на кодѣна, работалъ надъ замкомъ отъ ящика, Гибсонъ и тетка Эмилія проха-живались взадъ и впередъ по комнатѣ.

Гибсонъ, только что думавшій за нѣсколько минутъ предъ-тѣмъ о социализмѣ Лобова и проискахъ Елены, и зная по опыту что самая важная дѣла всегда зиждутся на подроб-ностяхъ и мелочахъ, замѣтилъ подстрекаемый возбужденною ко всему подозрительностію что молодой слесарь одѣтый въ простую одежду, съ грязными руками и залачканнымъ ли-цомъ, имѣлъ однако видъ не простаго мастераваго. Ему по-чудилось что человѣкъ этотъ только одѣтъ мастеровымъ. Подозрѣніе это возникло въ немъ въ тѣ нѣсколько минутъ когда онъ показывалъ слесарю замокъ который надо было исправить. Стоя къ нему въ эти минуты близко, онъ успѣвалъ замѣтить прическу его волосъ изобличающую не простолю-дина и не только красивыя черты его лица, но и нѣжность кожи на лицѣ и на рукахъ подъ грязью, саломъ и копотью, локрывавшими его какъ-то искусственно, утрированно и толь-ко поверхностно.

А потому, взглянувшись въ него пристально, Гибсонъ освѣ-домился у тетки гдѣ она нашла его и вполнѣ ли она довра-еть ему.

Та успокоивала его, говоря что она всегда съ крайнею осторожностію выбирала слесарей которымъ поручала ис-правление замковъ, а потому и теперь не позвала перваго встрѣчнаго, а обратилась къ Обществу попеченія о сирыхъ мастеровыхъ. Общество утвержденное правительствомъ ру-чается за честность рекомендуемыхъ имъ людей.

Подозрѣнія Гибсона были бы доведены до высшей степени еслибъ онъ могъ замѣтить съ какимъ любопытствомъ слесарь разглядывалъ лежавшій на столѣ ланъ, каждый разъ когда тетка и племянникъ, ходя по комнатамъ взадъ и впередъ, поворачивались къ нему спиной.

Не успѣла Эмилиа Ивановна выйти изъ комнаты и вести съ собою мнимаго слесаря, какъ пришелъ Егоръ доложить о графѣ Петрѣ Павловичѣ Трояновскомъ.

— Просите пожаловать.

Вошелъ графъ. Небольшаго роста, худенькій, высохшій старикъ, съ желтымъ пергаменнымъ цвѣтомъ лица и чрезвычайно густыми, нависшими бровями, съ сѣдыми, но довольно сохранившимися и коротко остриженными волосами, съ выдавшимся впередъ подбородкомъ, онъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣнне человека сердитаго и упрямаго, тѣмъ болѣе что туалетъ его далеко не могъ служить образцомъ послѣдней моды. Явно было видно что наружностью своею онъ мало занимался, жилъ болѣе въ мысляхъ, во внутреннемъ мирѣ своемъ и пренебрегалъ производимымъ имъ впечатлѣниемъ, потому что не дорожилъ мнѣниемъ свѣта.

Но стоило внимательнѣе взглянуть въ его черты, и выраженіе сердечной доброты въ его пріятныхъ карихъ глазахъ, мягкость и привлекательность его улыбки, тотчасъ измѣнили впечатлѣнне перваго взгляда. Въ лицѣ этомъ были точно два лица; въ профиль графъ золъ, упрямъ, настоячивъ и непоколебимъ; en face—добрякъ, уступчивый, недалекій и разсѣянный.

Гибсону было уже извѣстно что профиль былъ только такъ, декораціей, могущею лишь на короткое время ввести въ заблужденіе людей не знающихъ графа.

Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, графъ тотчасъ обратилъ вниманіе на множество картинъ въ кабинетѣ.

— Какая богатая у васъ коллекція! сказалъ онъ, озирая стѣны сквозь стекла золотого ланса.—И все больше Индія. Видно по синевѣ неба. Всѣ индійскіе виды съ синимъ, яркимъ небомъ. А эта батальная картина что изображаетъ?

И не дождавшися отвѣта:

— Ва! да никакъ русскіе солдаты подвизаются?

— Эта картина, серьезно отвѣчалъ Гибсонъ, — изображаетъ штурмъ Ходжента. Она быть-можетъ и плохо написана, но я очень дорожу ею; она напоминаетъ мнѣ славное дѣло при которомъ я присутствовалъ. Вотъ этотъ, что

лѣзеть по лѣстницѣ первымъ, бравый, славный артиллерійскій офицеръ служить теперь здѣсь въ гвардіи.

— А! онъ здѣсь, въ Петербургѣ? какъ бы я охотно услышалъ отъ него какое чувство побуждало его идти на вѣрную смерть...

— Полагаю, графъ, что объ этомъ русскаго офицера и спрашивать нечего. Можно отвѣчать за нихъ всѣхъ. Ихъ побуждаетъ долгъ чести и службы.

— Долгъ! да!.. долгъ!.. святое повиновеніе долгу и закону! произнесъ графъ, впадая въ какое-то раздумье. — Слова вашей дочери, вдругъ проговорилъ онъ съ оживленіемъ.

— То-есть вѣроятно вы хотѣли сказать: mille Анаяровой. У меня нѣтъ дочери.

Вмѣсто отвѣта графъ вперилъ какіе-то безсмысленные глаза въ Гибсона. По выраженію ихъ ясно было видно что послѣднія слова дошли только до уха его, но не до мозга. Сообщение о томъ что Наташа не дочь Гибсона застряло въ его ушахъ, потому что мозгъ усиленно работалъ въ это время надъ мыслью о святости исполненія долга. Объ этой идеѣ онъ продумалъ всѣ дни послѣ разговора его съ Наташей за обѣдомъ въ Укромномъ.

— Цѣлая натура, шелталъ онъ,—цѣлая ая натура. Эти натуры счастливы... онъ...

Онъ продолжалъ еще бормотать что-то невнятное; пенсне давно уже отпало отъ глазъ его и качалось на черномъ султанѣ. Указательный палецъ лѣвой руки точно замеръ и все еще указывалъ на картину штурма Ходжента, а лицо было обращено къ Гибсону. Глаза смотрѣли прямо на Англичанина, но какъ будто не видѣли его, а густыя брови подымались все выше и выше. Можно было удивиться растяжимости этой сморщенной желтой кожи.

Гибсону стало неловко и непріятно. Чтобы вывести старика изъ этого страннаго забытья, онъ обратилъ его вниманіе на небольшую картину Айвазовскаго, приобретенную имъ на послѣдней выставкѣ работъ знаменитаго художника. Графъ наклонилъ опять пенсне и разсѣянно, не произнося ни слова, смотрѣлъ на картину Айвазовскаго, о достоинствахъ которой Гибсонъ распространялся чтобъ изъ любезности говорить что-нибудь.

Вдругъ графъ какъ бы вспомнилъ что-то, прервалъ Гибсона на полусловѣ и выговорилъ:

— Я вѣдь хорошо знаю что она не дочь ваша, мнѣ братъ Павелъ и еще болѣе докторъ Рыбинъ передали всѣ подробности о вашемъ благородномъ поступкѣ...

Гибсонъ не любившій разговоръ о своей персонѣ вообще, а о поступкѣ его съ сиротой Алаяръ-хана въ особенности, недоумѣвалъ о чемъ бы заговорить съ этимъ страннымъ чело-вѣкомъ чтобы не навести его опять на раздумье, влекущее за собой это страшное поднятіе бровей.

Наконецъ онъ спросилъ о здоровьѣ графини Александры Петровны.

— Она здѣсь у васъ, то-есть у Натальи Васильевны, мѣть, у тетушки вашей. Ее повели на верхъ. Скажите, а эта картина что изображаетъ?

Графъ указалъ рукой держащею пенсне на картину представляющую комнату въ которой умерла Анумати.

— Эта? неохотно повторилъ Гибсонъ:—это семейное, интимное воспоминаніе. Да не угодно ли графъ сѣсть, воть-хоть сюда, на это кресло? Вы кажется курите? не прикажете ли папирсъ или сигаръ?

Какъ ребенокъ повинующійся полученному приказанію, графъ сѣлъ на указанное Гибсономъ мягкое кресло у письменнаго стола и безсознательно закурилъ папироску.

Въ это время глаза его обратились на планъ, оставшійся еще развернутымъ на столѣ съ листомъ бѣлой бумаги, до половины исписаннымъ, и съ лежавшими на немъ циркулемъ и карандашемъ.

Онъ быстро вскочилъ съ кресла, перегнулся черезъ столъ и глядя на планъ въ пенсне, спросилъ:

— Это-то и есть планъ Зимняго Дворца, о которомъ говорила мнѣ...

На этомъ словѣ онъ остановился, снялъ пенсне и все еще стоя предъ сидѣвшимъ Гибсономъ, сказалъ ему мягкимъ, приятнымъ тономъ и улыбаясь своею доброю улыбкой:

— Я хочу дать вамъ, Василій Ѳедоровичъ, случай сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ говорила Камила Игнатьевна что у вашей фирмы хотять купить лѣсъ для передѣлки половъ и еще чего-то въ Зимнемъ Дворцѣ и что у васъ долженъ находится сію минуту планъ Дворца, съ отмѣченными на немъ работами. По этимъ отмѣткамъ вы хотѣли разчитать количество и размѣръ лѣсныхъ штукъ необходимыхъ для передѣлокъ. Мы думаемъ воспользоваться этимъ случаемъ

чтобы предоставить работу нашимъ бѣднымъ мастеровымъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Общества, и намъ необходимо по плану работъ и по изученію ближайшихъ мѣстныхъ условій сообразить сколько рабочихъ придется отдѣлить въ Зимній Дворецъ. Не можете ли вы, Василій Ѳеодоровичъ, дать мнѣ этотъ планъ хоть на одинъ день, то-есть собственно не мнѣ, а попечительницѣ Общества нахожденія работы сирымъ и бѣднымъ мастеровымъ.

— Позвольте, графъ, проговорилъ озадаченный Гибсонъ, — кто же это Камилла Игнатьевна?

— Камилла Игнатьевна Бирюзова. Объ ней-то собственно я и хотѣлъ переговорить съ вами, да вотъ какой, право, я разсѣянный... не сказалъ вамъ объ ней ни слова.

Вмѣсто того, чтобы исправить разсѣянность, графъ сѣлъ въ кресло, оперся на спинку его, прилежно занялся куреніемъ папироски и молчалъ.

Въ это время Гибсонъ убралъ въ сторону все что лежало на планѣ и сложивъ его по складкамъ сѣрой холстинки, на которую планъ былъ наклеенъ, хотѣлъ спрятать его въ ящикъ стола, но вспомнивъ что ящикъ безъ замка, оставилъ все на столѣ и обратилъ глаза на молчавшаго графа.

Тотъ сидѣлъ, курилъ, что-то разсѣянно бормоталъ, шевелъ губами и повидимому совсѣмъ забылъ о томъ что не получалъ еще отвѣта на просьбу о планѣ.

Но Гибсонъ былъ уже сильно заинтересованъ.

— Что же имѣете вы, графъ, сказать мнѣ о госложѣ Бирюзовой? спросилъ онъ:—я съ нетерпѣніемъ жду вашихъ приказаній.

— О Бирюзовой! да! вотъ-что.

Графъ разказалъ Гибсону, съ ясностію и даже съ выраженіями министерскаго доклада, объ утвержденномъ правительствомъ Обществѣ для нахожденія работы сирымъ и бѣднымъ мастеровымъ и ремесленникамъ. Разказъ свой онъ окончилъ сообщеніемъ что самъ онъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества.

— Мнѣ очень хотѣлось бы, говорилъ онъ, —попросить мше Алаярову принять участіе въ нашемъ Обществѣ. Оно идетъ прекрасно, теперь въ большой модѣ, и вашей дочери представится случай... да! не дочь вѣдь она вамъ... Извините меня старика, я такъ разсѣянъ и такъ абсорбированъ разными дѣлами что бывають со мною иногда странные случаи забывчивости.

Выговоривъ эти слова, графъ поднялъ обѣ руки къ головѣ и провелъ ими ото лба къ вискамъ и даѣе по щекамъ до подбородка. Можно было подумать что всѣ такъ сильно заботившія его мысли онъ вытѣснилъ изъ головы въ подбородокъ и отсюда изъ выдававшегося кончика его вытянулъ ихъ совсѣмъ прочь. Молча откинулся онъ назадъ, на спинку кресла и вновь потянулись кверху его густыя брови.

— Скажите, графъ, началъ вновь Гибсонъ, — изъ кого же собственно состоитъ ваше Общество?

Изъ отвѣта графа Гибсонъ уразумѣлъ что все Общество состоитъ собственно изъ Камиллы Игнатьевны Бирюзовой и главной попечительницы и представительницы Общества предъ правительствомъ и предъ публикой, и секретаря Общества. Были, правда, кромѣ этихъ двухъ лицъ, еще пять директоровъ, всѣ изъ титулованныхъ или высокопоставленныхъ лицъ, но никто изъ нихъ не ударялъ, такъ сказать, пальца о палецъ для контролированія дѣятельности попечительницы и секретаря. Всѣ ограничивались взносомъ и собираніемъ денегъ. За то Трояновскій работалъ по наружности за всѣхъ, то-есть почти каждый день подписывалъ какія-то бумаги о командированіи на суммы Общества совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ по разнымъ фабрикамъ и заводамъ, о выдачѣ личныхъ пособій другимъ, столь же мало ему знакомымъ, и объ исполненіи разныхъ мѣръ изобрѣтаемыхъ и предлагаемыхъ секретаремъ. Было очевидно что вся суть этого предпріятія заключалась въ одномъ секретарѣ.

— Вы не сказали мнѣ, графъ, кто же секретарь Общества? замѣтилъ Гибсонъ.

— Секретарь? Мой племянникъ, Миша Лобовъ, умный и способный малый. Вы его знаете?

— Знаю, отвѣчалъ Гибсонъ улыбаясь.

„Теперь начинаю понимать и переодѣтаго мастераго“, подумалъ Гибсонъ. „Нашла куда адресоваться тетюшка чтобы получить вѣрнаго слесаря! Надо предупредить ее.“

Обратясь къ графу, онъ сказалъ ему рѣшительнымъ тономъ:

— Чтобы посоветовать Натальѣ Васильевнѣ принять участіе въ Обществѣ нахожденія работы бѣднымъ мастеравымъ, мнѣ надо, графъ, знать подробно все устройство и состояніе Общества. Я далъ бы себѣ трудъ пересмотрѣть всѣ счетныя книги Общества, печатный уставъ его и протоколы бывшихъ собраній еслибы вамъ угодно было прислать мнѣ

все это для разсмотрѣнія. Что же касается плана Зимняго Дворца, то я ослабъ и имѣлъ на то право, не могъ бы отдать его вамъ, потому что сегодня же долженъ возвратить его тому лицу которое дало мнѣ его по особой ко мнѣ довѣренности и даже безъ разрѣшенія своего начальства.

— Я вамъ пришлю, любезнѣйшій мистеръ Гибсонъ, все что вы желаете видѣть, и самого секретаря, если угодно. Впрочемъ, если хотите получить вѣрныя свѣдѣнія объ Обществѣ, спросите доктора Рыбина, вашего хорошаго знакомаго. Онъ долженъ знать дѣла наши хорошо. Его дочь одна изъ самыхъ дѣятельныхъ помощницъ нашихъ.

— Елена Трофимовна тоже въ Обществѣ? спросилъ съ новою улыбкой Гибсонъ.

— Она не числится членомъ Общества, но содѣйствуетъ ему съ самаго основанія, отвѣтилъ графъ.—Мы ей много обязаны. Не дадѣе какъ вчера она доставила Обществу нѣкоторую сумму собранную ею съ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и съ брата моего Павла, который кажется весьма неравнодушенъ къ ней. Старый, неисправимый волокита...

— И графъ Павелъ Павловичъ принимаетъ участіе, или можетъ-быть членъ...

— Нѣтъ, отказался, не хотѣлъ. Ah! à propos. Vous savez, il a eu des désagrémens, mon pauvre frère. *

— Что такое? спросилъ съ участіемъ Гибсонъ.

— Вообразите, у него пропала какая-то важная бумага изъ секретнаго портфеля; а портфель-то былъ съ нимъ когда онъ гостилъ у меня пять дней тому назадъ. Представьте, возвращается отъ меня въ Петербургъ, разбираетъ портфель, нѣтъ бумаги. Онъ въ отчаяніи, мечется по департаменту какъ угорѣлый, всѣхъ разспрашиваетъ, начинаютъ всѣ говорить о похищеніи секретной бумаги, доходить слухъ о томъ до высшихъ особъ. Мнѣ-то какъ непріятно! Портфель гостилъ у меня въ домѣ. Ну, наконецъ, все разъяснилось, слава Богу, никакихъ непріятныхъ послѣдствій не было.

— Что же? нашли потерянную бумагу?

— Какъ же! Оказалось что братъ по ошибкѣ вложилъ ее не въ секретный портфель который былъ съ нимъ, а въ тотъ который отправленъ былъ имъ съ курьеромъ прямо въ министерство. Тамъ раскрылъ, и чиновникъ догадался что

* Кстати, вы знаете мой бѣдный братъ имѣлъ непріятности.

бумага эта попала туда по ошибкѣ, залечаталъ ее въ особый конвертъ и положилъ на столъ въ кабинетъ брата. Потомъ принесли цѣлая кипы другихъ бумагъ и заложили секретную, такъ что братъ и не могъ сперва найти ее. Ужь спасибо чиновнику, указалъ куда положена и всѣхъ успокоилъ. Братъ такъ ему благодаренъ. Однакоже я у васъ засидѣлся, любезнѣйшій мистеръ Гибсонъ, прибавилъ графъ смотря на часы которые вынулъ изъ кармана.—Я пойду еще наверхъ къ вашимъ дамамъ, да и скоро надо будетъ отправляться намъ съ дочкой на вокзалъ.

— Я буду имѣть честь проводить васъ наверхъ и лично познакомить съ моею теткой.

Съ этими словами Гибсонъ всталъ, подошелъ къ маленькой двери, залеръ ее на ключъ который вынувъ положилъ въ карманъ и потомъ, отворивъ дверь въ библіотеку, посторонился чтобы пропустить графа впередъ.

То же повторилось и предъ дверью въ вестибюль.

Графъ ловидимому и не замѣчалъ учтивостей Гибсона.

Проходя въ вестибюль мимо швейцара, Гибсонъ приказалъ ему никого не впускать въ его комнаты и послѣдовалъ за графомъ, который подымался по лѣстницѣ не хуже самаго здороваго юноши.

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)